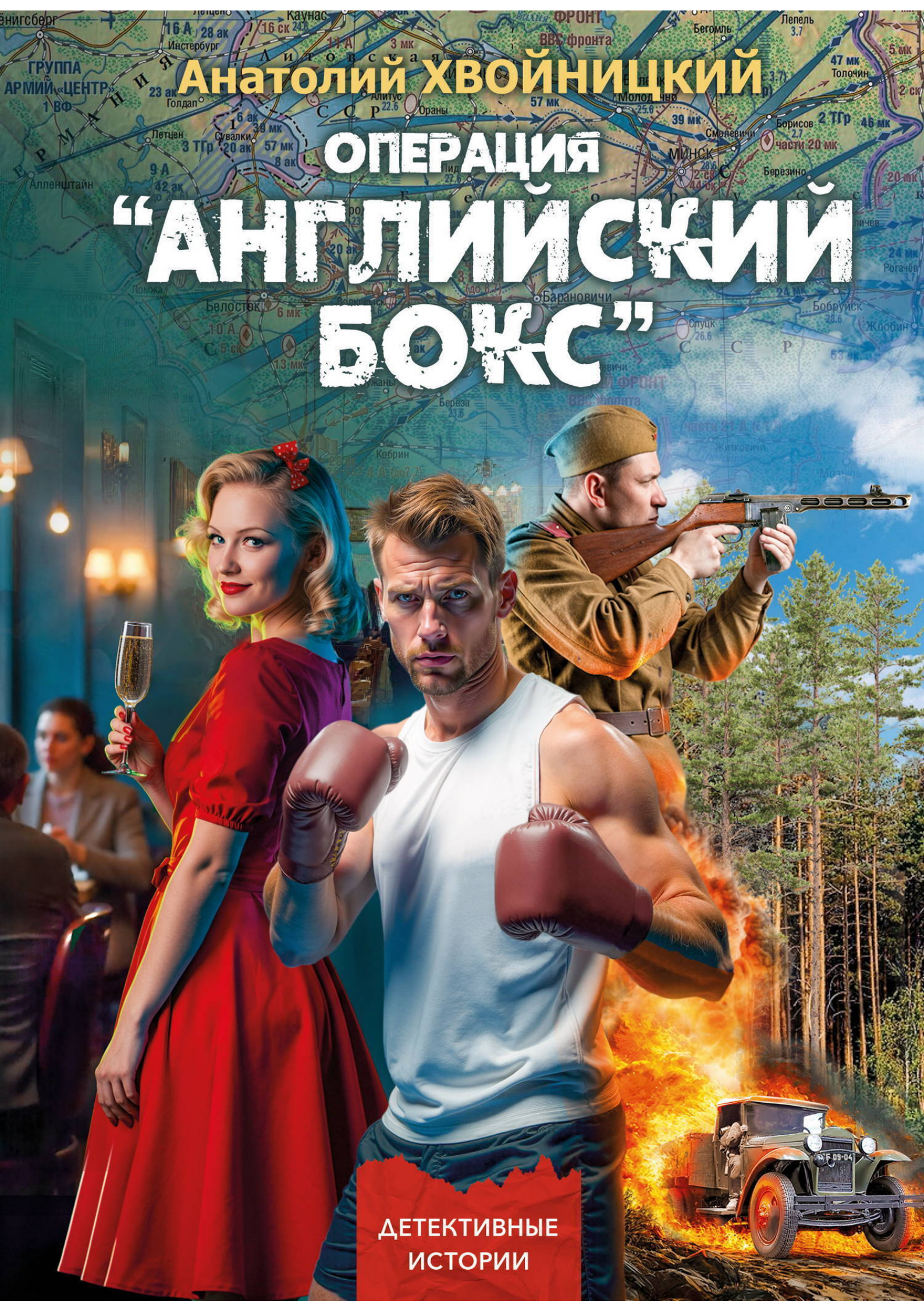

Анатолий ХВОЙНИЦКИЙ

ОПЕРАЦИЯ

“АНГЛИЙСКИЙ БОКС”

ДЕТЕКТИВНЫЕ
ИСТОРИИ

Современная проза (Четыре Четверти)

Анатолий Хвойницкий

Операция «Английский бокс»

«Четыре четверти»

2025

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

Хвойницкий А. В.

Операция «Английский бокс» / А. В. Хвойницкий — «Четыре четверти», 2025 — (Современная проза (Четыре Четверти))

ISBN 978-985-581-771-1

Вторая мировая война подходит к концу. Но союзники уже готовятся к противостоянию с Советским Союзом. У них даже разработан план нападения на СССР. Операция «Немыслимое» должна была начаться в июле 1945 года. После освобождения Барановичей в октябре 1944 года в небольшой белорусский город забрасывается группа английских агентов-диверсантов во главе со Скатом. Интерес английской разведки обусловлен наличием в городе важного железнодорожного узла. Здесь сталкиваются интересы польской дефензивы, немецкого абвера и МИ-6, английской военной разведки. Им противостоят сотрудники советской контрразведки, 6-го управления Смерша, госбезопасности и НКВД. Благодаря контрразведчикам МГБ и Смерша были ликвидированы банды Армии Крайовой на территории Беларуси в 1944–1945 годах. В центре повествования — история противостояния оперативника Смерша, мастера спорта по боксу Глеба Максимова и английского агента Ската. Технические тонкости двух различных школ бокса помогают в разоблачении английского агента. Оба разведчика являются отличными боксёрами, в финале повествования они встретятся...

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-771-1

© Хвойницкий А. В., 2025

© Четыре четверти, 2025

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Оксана Хващевская

Запретная роль

*Ты не изменишь ничего,
Это так, как дышать.
На двоих одно и то, что так сложно понять.
Слабость рук и вольность губ,
Пусть ещё так рано.
Я люблю его и всё. Остальное штампы.*

М. Абросимова

© Хващевская О. А., 2026

© ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2026

Глава 1

Ближе к обеду Партизанский проспект встречал Машу Лигорскую оживлённым движением, шумом, загазованностью, толпой людей, суетой и духотой. Оглядываясь по сторонам, девушка смотрела на знакомые здания бизнес-центров, высоток, магазинов, предприятий, и чувство нереальности происходящего не покидало её. Она уехала из Минска всего два месяца назад, а казалось, прошли годы. Этот город был ей родным: девушка родилась и выросла в столице. Машка всегда гордилась этим и любила Минск, но сейчас он казался ей совершенно чужим. Лигорская уверенно рулила по проспекту, останавливаясь на светофорах, пропуская потоки пешеходов, сворачивала, следуя знакомым маршрутам. Но при этом она чувствовала себя иностранкой, впервые посетившей столицу.

Внутри была странная пустота и растерянность. Маша не знала, как жить и что делать дальше. Только сейчас, оказавшись в Минске, она стала понимать, как глубоки изменения, произошедшие с ней в Василькове. До своего вынужденного изгнания в деревню девушка собиралась завоевать весь мир, стать актрисой, покорив экраны мира. Будучи безбашенной пофигисткой, она всегда рисковала и экспериментировала. С лёгкостью ступая по жизни, Маша не боялась провалов и трудностей. У неё были цели, и она двигалась к ним. Лигорская не собиралась рожать детей. Вообще не думала об этом. Амбиции были слишком велики. Но теперь...

Теперь она понимала: жизнь не будет прежней. Вот поэтому влиться в привычный бурный поток так просто не получится. Придётся самостоятельно и взвешенно принимать решения. Как-то иначе выстраивать свою жизнь... Как? Маша ещё не знала и сейчас не была готова к ответам. Может быть, завтра. А пока хотелось просто приехать домой, закрыть двери своей комнаты, свернуться калачиком на тахте и уснуть. И спать долго-долго, а проснувшись, снова почувствовать себя той прежней Машей Лигорской, способной противостоять всем и вся.

Она знала, что дома, скорее всего, сейчас никого нет. Ключи от квартиры у неё были. Если её родственнички надеялись, что она больше не вернётся, они глубоко ошибались. Маша помнила последний разговор с матерью и понимала: если не съедет из дома в ближайшее время, они превратят её жизнь в ад. Впрочем, пусть попробуют! Покидать родные пенаты она пока не намерена. В данных обстоятельствах лучше приберечь деньги, которых и так немного. Придётся её родным потерпеть. А ей самой – как можно реже появляться дома. Девушку аж передёргивало от мысли, что снова придётся жить рядом с Олькой и её мужем. Но пока другого выхода нет.

Маша загнала мотоцикл в отцовский гараж, от которого у неё имелись ключи, и, закинув рюкзак за плечи, пошла домой. Каждый шаг давался ей с трудом, а всё внутри протестующе вопило... Хотелось назад, в Васильково, в это лето, под уютный кров бабушкиного домика. А она продолжала идти, всё сильнее сжимая пухлые губы. Маша знала: если она намерена выжить и чего-то в этой жизни достичь, всё, что случилось за эти два месяца, лучше вычеркнуть из памяти. Иначе она просто погибнет. И не только она одна. Не стоит забывать об этом, раз уж она намерена родить ребёнка. Завтра с присущим ей упорством и решительностью девушка собиралась начать жить заново, а пока...

Дома, к великому облегчению Лигорской, никого не было. Закрыв за собой дверь квартиры, она постояла немного посреди прихожей, вдыхая знакомый с детства аромат. Потом девушка забросила в комнату рюкзак, отвинтила краны в ванной и, пройдя на кухню, открыла холодильник, намереваясь чего-нибудь поесть. Пока набиралась вода, она сделала себе омлет с ветчиной и нарезала тарелку помидоров, которые положила ей с собой в дорогу баба Антоля. Пообедав, Маша долго нежилась в ванной, наслаждаясь ароматом лавандовой пены. Затем, переодевшись в пижаму, она заперла дверь своей комнаты и легла на кровать, закутавшись в

плед. Спать – это всё, что нужно было ей сейчас. Уткнувшись в подушку, девушка закрыла глаза и почти сразу погрузилась в мир сновидений.

Маша не слышала, как вернулись родители, что происходило вечером в квартире, да, собственно, и утром тоже. Она даже не понимала, узнали они о её возвращении или нет. Когда утром следующего дня она проснулась, дома снова царил тишина. Все ушли на работу, и она могла спокойно поваляться в постели, а потом неторопливо позавтракать, спокойно собраться и уйти из дома. Пора было вливаться в прежнюю жизнь, и Маша знала, с чего начать.

Выкатив из гаража свой мотоцикл, она заехала на заправку, а потом понеслась на старый аэродром, предполагая найти своих друзей там. И, в общем-то, не ошиблась.

Этот заброшенный аэродром они облюбовали пару лет назад, когда увлеклись гонками на спортивных мотоциклах. Место было идеальное, несмотря на то, что асфальтовое покрытие оставляло желать лучшего. Территория здесь охранялась плохо. И со сторожем всегда можно было договориться, всучив бутылку водки. Правда, милиция сюда тоже частенько наведывалась, но каждый раз им удавалось благополучно сбежать. По крайней мере никого из их компании ещё ни разу не задержали. К тому же все эти побег от патрульных машин и потенциальная опасность лишь повышали адреналин в крови. А что ещё нужно было этим двадцатилетним мальчишкам?

Машка подъехала, когда гонки были в самом разгаре и, приткнувшись у обочины, стащила шлем. Махнув в знак приветствия знакомым девчонкам, она некоторое время наблюдала, как мимо проносятся спортивные мотоциклы, от рёва которых закладывало уши, а от скорости захватывало дух. Когда определили победителя соревнования, она направилась к ребятам.

– Машка, – кто-то из них обернулся, заметив её. – Привет! Неужели ты здесь? Блин, а мы уж решили, что тебя насовсем сослали в глушь! Как ни позвоним, твоя мать или сестрица отвечает, что ты больше не вернёшься и чтоб мы не названивали на домашний телефон!

– Да не дождутся! – воскликнула девушка, обмениваясь пацанским приветствием с каждым. – Ну чего у вас тут нового? Как лето прошло? Сколько раз милиция наведывалась? Чего вообще в городе слышно? – тут же засыпала она вопросами ребят.

– Да блин, Машка, без тебя лето вообще тухлое вышло! И даже менты ни разу не погоняли! Тусим потиху то здесь, то в переходах... Подрабатываем помаленьку... А так, ничего интересного! А как там твоя деревня?

– Ну, скажу я вам, в деревне повеселее было! – чуть заметно улыбнувшись, ответила она. – Но всё хорошее, как говорится, быстро заканчивается... Ребята разъехали по домам, и я тоже вернулась, хотя мои, конечно, и мечтали, что я навсегда останусь в деревне или ещё где-нибудь...

– Так выживают из дома, что ли? – возмутились ребята.

– Мечтают об этом... И на перспективу, я с сегодняшнего дня в поисках бюджетного жилья, но не прямо вот сейчас. Денег нет совсем. Прикиньте, бабуля на бензин давала. Так что, если у кого-то нарисуются какие-либо варианты, свистните!

– Ну, замётано! – кивнули парни. – Хотя, конечно, с баблом и у нас не густо, но по-тихому шуршим. В переходах флаеры раздаём, объявления клеим, да и так по мелочи каждый день что-то капает в карман. В общем, не жалуемся, на карманные расходы хватает, а там видно будет. По осени, может, вообще в армию загребут, а может, что стоящее подвернётся...

– О, от карманных денег и я бы не отказалась. Пока не соберусь с мыслями и не войду в привычную колею, эти деньги будут очень кстати. Возьмите меня с собой на работу?

– Да не вопрос, Машка. Но ты бы лучше в кастинг-агентство позвонила. Уверен: для тебя всегда найдётся работка...

– Это непременно, но дайте мне пару деньков. Приду в себя и пойму, что делать...

– Ну, давай-давай! Так, может, пивка сходим попьём за возвращение твоё, так сказать? – предложил кто-то из ребят.

– Нет, я в завязках, – покачала головой Лигорская и не стала что-либо объяснять. А ребята больше не спрашивали.

Они пробыли ещё немного на аэродроме, а потом вернулись в город. Прикупив пива, колы и шаурмы, поехали на набережную Свислочи и до самой темноты тусили там... Ребята никуда не торопились, а Машка этому была только рада. Понимала: домой лучше вернуться попозже, чтобы не встречаться с родителями. Сейчас у девушки вообще не было ни сил, ни желания вступать с родственниками в конфликт. На улице было тепло, и, когда ребята, простившись и договорившись относительно завтрашней работы, разъехались по домам, Маша поехала колесить по полупустым проспектам столицы. Мыслями она снова возвращалась в Васильково, и сердце помимо воли сжималось от тоски. На глаза наворачивались слёзы, и приходилось кусать губы, сдерживая их. Но чем тяжелее было внутри, тем больше крепла в ней уверенность в собственных возможностях. Она была упряма, и только со свойственным юности оптимизмом, как заклинание, твердила: «У меня всё получится!»

Пусть раздавать флаеры и рекламу – это не то, чем реально можно заработать, но пока это единственная возможность хоть как-то уравновесить свою жизнь и отвлечься. Маша знала: всё будет так, как она решила и сомнения здесь были неуместны, а страх и вовсе отсутствовал. Лигорская верила, что справится, потому что в принципе в жизни со всем справлялась сама... И если раньше это было в большей степени развлечением и удовлетворением собственных амбиций, сейчас стало необходимостью, а значит, подходить к этому следует серьёзно и ответственно. Неделю-другую она, так и быть, потусит с ребятами на улице, но с приходом осени придётся подумать о чём-то более конкретном. И обязательно зайти в кастинг-агентство. Ведь всё, о чём она мечтала, и всё, что умела – это играть. Маша всегда знала: если хочешь в жизни чего-то достичь, нужно пробиваться изо всех сил. А актёрская карьера – это не только то, чего ей всегда хотелось и к чему она стремилась. Теперь это единственный шанс выжить, и она не может его упустить. И если придётся идти напролом, она пойдёт и ничем не побрезгует, потому что терять ей, в принципе, больше нечего.

Как и вчера, домой она вернулась далеко за полночь. Загнав мотоцикл в гараж отца, она ещё около часа сидела на лавочке, у подъезда, дожидаясь, пока в окнах квартиры погаснет свет. Потом так же бесшумно пробралась в свою комнату и легла спать.

Но дальше вот так таиться и прокрадываться, как вор, она не собиралась. Пусть её здесь не ждут и не жаждут видеть, плевать! Она прописана в этой квартире. И пусть только мама попробуют её выселить. Пока девушка не приведёт в порядок свою жизнь и не сможет позволить себе отдельное жильё, останется дома. И пусть у Оли случится выкидыш от этого, ей всё равно! Маша понимала: своим возвращением она, наверное, окончательно испортила отношения с родителями, но это её мало волновало! Девушка давно балансировала на грани, и теперь, что бы она ни сделала, это не поможет вернуть их хорошее расположение. Конечно, попытаться можно, но желания как-то не было.

А утром Лигорская проснулась от разговоров за стеной. Говорили на повышенных тонах, вернее, снова ссорились Олька и её муженек. Девушку так и подмывало сунуть в уши беруши и продолжить спать, но потом она вспомнила, что сегодня суббота, встречи с родственниками не избежать, а значит пора выходить из укрытия и прямо заявлять о себе. Маша решительно поднялась с постели и вышла из комнаты.

Заглянув на кухню, Лигорская застала мать у плиты.

– Привет, мам! Я уже дома! – просто сказала она, придав тону беспечности и лёгкости. Сказала так, как будто между ними не было того неприятного и обидного разговора. Как будто мама фактически не выставила её из дома. И не было тех причин, из-за которых она спешно покинула родительскую квартиру.

– Это я уже поняла, причём два дня назад, – обернулась к ней Вера Михайловна, вытирая руки о фартук. – Уходишь тайком, возвращаешься ночью... Всё по-старому, не так ли, Маша?

– Ну как тебе сказать... – девушка поставила на плиту чайник.

– Да я вижу, что ничего не изменилось! Сколько ещё всё это будет продолжаться? Лето подходит к концу, а ты так и не пошла учиться, да и работы не нашла... Ты как жить собираешься? Или думаешь, что мы с отцом будем кормить тебя, а ты будешь бездельничать и носиться сутки напролёт на своём мотоцикле?

– Я не собираюсь сидеть у вас на шее. Не беспокойся, мама! Я нашла себе работу, вот сейчас позавтракаю и пойду. А по поводу учёбы... Я закончила школу актёрского мастерства, а до этого посещала актёрские курсы. У меня есть образование, такое, какое мне нужно. Нет, возможно, потом я поступлю в ГИТИС или ВГИК, но пока я не чувствую в этом потребности!

– Маша, ты помнишь, о чём мы говорили с тобой в Василькове? – ещё строже заговорила мама. – Это не пустые слова, сказанные в запале. Ты хоть понимаешь, что натворила? Ты вообще понимаешь, что чуть не разрушила семью своей родной сестры или ты настолько эгоистична, что способна думать только о себе? Как ты могла так подло поступить? – всё больше распалялась Вера Михайловна.

– Ой, мама, не начинай, – закатила глаза Лигорская. – И почему ты считаешь, что я виновата? Да Олежка сам падок до каждой юбки, а Оля – дура. Ещё и ребёнка решила от него рожать! Наверное, думает, что удержит его таким образом!

– Маша, замолчи немедленно! Когда ты намерена съехать?

– Когда найду себе жильё и смогу зарабатывать на него! Мама, я понимаю, тебе не терпится выставить меня вон, да и Ольке тоже, но придётся вам как-то потерпеть меня! Я прописана в этой квартире так же, как и твоя драгоценная истеричка!

– Что-что? – из зала вышел отец, на ходу он складывал газету, которую умудрялся читать и смотреть телевизор одновременно. Брови его сошлись на переносице. Он озадаченно смотрел то на жену, то на дочь и, казалось, пытался понять по их лицам, не ослышался ли он. – Машка, тебя что, выписать пытаются? Вера, ты что, вздумала дочь родную из квартиры выжить?

– Коля, иди смотри свой телевизор, мы тут сами разберёмся! – отмахнулась от него жена.

– А в чём вам разбираться-то? Машка имеет право жить в этой квартире так же, как ты или Оля! Дочка же только вернулась из деревни, а ты прямо с порога воспитывать её вздумала! Слушай, Вера, может, хватит уже, а? Ты же сама говорила, что она уже взрослая и упрямая, как осёл. Всё равно сделает по-своему! Так пусть поступает, как знает! Пусть осмотрится, отдышится и поймёт, как быть и жить дальше! И пусть берёт и ест, что хочет. Ты что, дочке еды жалеешь уже? Ешь, Маша, вот бери делай бутерброды, намазывай масло на булку, – Лигорский подошёл к холодильнику и извлёк оттуда колбасу и сыр. – Ешь и не слушай мать! Я разрешаю. Я в этот дом тоже деньги приношу! А ты, Вера, скажи этим придуркам за стенкой, чтобы успокоились наконец! Мне уже соседи замечание сделали! Не могут жить вместе, так пусть разойдутся! Чего друг друга мучить?!

– Коля, иди в зал и не вмешивайся, а Оля с Олегом сами разберутся! – решительность и настойчивость маминого голоса не оставляла права отцу поспорить с ней.

Прежде чем выйти, Лигорский выразительно взглянул на дочь, как будто ещё напоминая обо всём только что сказанном, а Маша взяла чашку с кофе и тарелку с бутербродами и ушла в свою комнату. Отец никогда не был на её стороне, но он не выражал своё неодобрение так бурно, как мать. Лигорский вообще был человеком неконфликтным, но это не значит, что он был подкаблучником. Мать всегда считалась с ним. И Маша подозревала, что Вера Михайловна держится за мужа куда больше, чем он за неё.

Маша включила на компьютере музыку и уже не слышала, что там происходило дальше. Но когда через пятнадцать минут с завтраком было покончено и она открыла дверь, собираясь выйти из комнаты и отнести на кухню посуду, квартиру наполнили вопли сестры:

– Мама, я беременная! Ты же знаешь, мне нельзя волноваться! Мама, ты же говорила, она не вернётся домой! Ты же знаешь, что у нас с Олегом и так натянутые отношения! Из-

за неё, между прочим! Мама, если не уйдёт она, уйду я! А ты знаешь, что я не могу жить с родителями Олега!

«Ещё бы!» – мрачно подумала Маша. Родители Олега не были в восторге от выбора сына. Они и раньше почти не общались с невесткой, а теперь, когда она превратила жизнь их единственного мальчика в ад, и подавно не желали её видеть! А уж о том, чтобы жить с ней под одной крышей, и речи быть не могло! Оле, конечно, некуда было идти, но и Маша не собиралась ночевать на улице.

Девушка прислонилась к дверному косяку, решив пока не высовываться. Скоро сестрица выдохнется и уйдёт к себе, а она сможет спокойно перемещаться по квартире.

– Оля, перестань! – попыталась уговорить старшую дочь Вера Михайловна, но не тут-то было. Успокаиваться Оля не желала.

А Маше уже надоело подпирать двери и слушать оскорбления в свой адрес. К тому же хотелось элементарно в туалет и в душ.

– Оля, закрой, наконец, свой рот! – загремел на всю квартиру отец.

Лигорский вообще очень редко выходил из себя, потому что довести его до такого состояния было не так-то просто, но сегодня Оле это удалось.

Он в который раз за сегодняшнее утро был вынужден покинуть свой диван и, оторвавшись от телевизора, проследовать на кухню. Мужчина решительно прошёл мимо, даже не обернувшись в сторону младшей дочери. А та потихоньку пошла за ним, со злой радостью предвкушая очередную крепкую сцену.

– Папа... – плаксиво протянула Оля.

– Замолчи, я сказал! – гаркнул на неё Лигорский. – Ты что, Машку решила выжить из квартиры? Вера, ты в этом тоже принимаешь участие? Что за интриги вы плетёте? Так, послушайте меня обе! – мужчина почти вплотную приблизился к жене и дочке и по очереди ткнул в них пальцем. – Если в этом доме не наступит тишина, я сам возьмусь за вас. И тогда мало вам всем не покажется! Ты, моя дорогая, слишком много стала на себя брать в последнее время! Эту квартиру мы с твоей мамой заработали своим горбом, и, кому здесь жить, а кому нет, нам двоим решать. Так что уймись, а то как бы тебе самой не отправиться искать жильё! И кстати, я думаю, это не такая уж плохая идея. Может быть, так вы с мужем быстрее разберётесь со своей семейной жизнью!

– Папа! – обида старшей дочери быстро сменилась возмущением.

– Заткнись! Я тебе не мама! И на меня не подействуют ни твои истерики, ни тем более слёзы! Не можете договориться с Олегом, не можете решить свои проблемы – разбегайтесь! А то ещё и ребёнка решили родить! Просто не понимаю, зачем он вам! Вы же на грани развода!

– Это всё из-за этой твари, Машки! – крикнула Оля и разразилась рыданиями.

– Коля, ну посмотри, что ты наделал! Ей же нельзя волноваться! – набросилась Вера Михайловна на мужа и, обняв дочку, стала её утешать.

– Нет, Вера, это не я, это ты во всём виновата! Тебе же придётся воспитывать её ребёнка! Ты думаешь, он ей нужен? Это ещё один способ удержать Олега. Только что-то мне не верится, что надолго его хватит. И тогда этот ребёнок станет ей вообще не нужен. Она поплачет и продолжит жить. А ребёнка повесит на тебя. Вот помянешь моё слово!

Отец замолчал и, развернувшись, покинул кухню. Но в зал не пошёл, а стал обуваться в прихожей, прихватив с полочки ключи.

– Лигорский, ты куда собрался? – с явным беспокойством в голосе спросила мама, выходя за ним следом.

– Куда-нибудь! – неопределённо бросил он ей в ответ, даже не обернувшись.

– Лигорский, не смей уходить!

– А то что? – огрызнулся мужчина.

– Коля, перестань! – голос Веры Михайловны смягчился, и в нём появились извиняющие нотки.

Но на мужа они не подействовали, и он ушёл, хлопнув за собой входной дверью.

В доме воцарилась тишина, нарушаемая лишь приглушёнными всхлипываниями Оли.

Маша тяжело вздохнула и, отлепившись от сцены, вошла на кухню.

А там мама уже заваривала старшей дочери успокоительный чай, а та сидела на табуретке и размазывала по щекам слёзы.

По правде сказать, Маше не хотелось продолжать скандалить с матерью и старшей сестрой. Она собиралась лишь молча вымыть посуду и тут же уйти. Лигорская, конечно, понимала: остаться незамеченной не получится, но твёрдо решила не реагировать на выпады сестры. Но она сразу обернулась, как только Маша показалась в дверном проёме.

Вид Оли заставил девушку сбиться с шага и застыть на месте. Выглядела старшая сестра ужасно. Опухшее лицо в красных пятнах, воспалённые глаза, тусклые растрёпанные волосы, заметно расплывшаяся талия... От некогда довольно милой девушки не осталась и следа! Они виделись всего полтора месяца назад, и Маша не ожидала столь разительных перемен. Да уж! Олегу можно было только посочувствовать. Приближающееся материнство не красило Ольгу. Её вид вызывал отвращение.

– Чего вылупилась? – зло зашипела Оля.

На её лице читалась явная, неприкрытая ненависть, но подобное проявление родственных чувств уже давным-давно не трогало Машу.

Лигорская в ответ равнодушно пожала плечами.

– На твоём месте я бы привела себя в порядок! Ты похожа на бомжиху! – спокойно ответила она и, вымыв посуду, покинула кухню.

– Мама, говорю тебе, она спит и видит, как бы увести у меня Олега! – заголосила старшая сестра, когда за Машей закрылась дверь ванной комнаты.

Ольга ещё долго жаловалась матери на кухне, плакала и причитала, а Машка, закрывшись в ванной, отвинтила краны, сбросила с себя одежду и встала у зеркала, разглядывая себя. Вид беременной сестры несколько поколебал уверенность девушки в том решении, которое она приняла в Василькове. Ей не хотелось бы походить на Ольку... Девушка вертелась перед зеркалом и так и этак, но не находила в своей точёной фигурке каких-либо изменений, заставивших бы её ужаснуться. Она была всё такой же стройной, а живот по-прежнему плоским, хоть там уже несколько недель жил маленький живой комочек, новая жизнь, которую сотворили они с Сафроновым. Маша погладила живот, пытаясь вообразить, каким будет их ребёнок, и улыбнулась, отчего-то уверенная, что это обязательно будет девочка. Хорошенькая, озорная, весёлая малышка, с которой они будут не просто мамой и дочкой, а ещё лучшими подружками и самыми близкими людьми. А Сафронов... Уже сейчас, спустя два дня после возвращения из деревни, вся их история казалась Маше какой-то нереальной иллюзией. Как будто всего случившегося и не было. Всё это ей просто приснилось. И только ребёнок был реальностью, но пока всего лишь абстрактной, вызывающей удивление, недоумение и любопытство, не более того. А что будет потом, Машка не загадывала. Лигорская была в таком возрасте, когда ещё твёрдо верилось, что будущее будет только таким, каким она захочет. Конечно, при условии, что девушка будет не только сидеть и мечтать, но и что-то делать, чтобы превратить мечты в реальность. Машка была амбициозна в плане собственной карьеры, и всё же так беззаботна, бесшабашна и ветрена. И даже её беременность не могла изменить это в ней. Выкупавшись, она оделась, высушила волосы, прихватила ключи от своего мотоцикла, рюкзак, солнечные очки и, не простившись, следом за отцом покинула квартиру. У подъезда её уже ждали друзья, и, оставив грусть в стенах своей комнаты, девушка окунулась в новый день...

Глава 2

Когда Маша уезжала из Василькова, мчала на своём мотоцикле по трассе, да и потом, в ту первую ночь в родительской квартире, она осознала: жизнь не будет прежней, а посему придётся многое в ней пересмотреть и поменять. Но встреча с друзьями, покатушки по ночной столице, опьяняющий драйв и веселье заслонили собой все обещания, данные самой себе, и обстоятельства, которые им предшествовали. Последние недели лета они действительно зарабатывали тем, что раздавали флаеры и расклеивали объявления, а потом обедали шаурмой и до полуночи пропадали в подземных переходах, слушая концерты уличных музыкантов, прикалываясь и веселясь. Девушка поздно возвращалась домой и, закрывая дверь своей комнаты на ключ, сразу ложилась спать, слишком уставшая, чтобы думать и чувствовать. А может быть, ей просто не хотелось ни того, ни другого. Куда проще было, не прилагая особых усилий, плыть по течению и малодушно верить в то, что всё как-нибудь решится само собой.

Маше требовалась некая пауза и передышка. Ей нужны были силы, чтобы, оттолкнувшись, взлететь и покорить этот мир. А взять их было неоткуда. Проще было валять дурака, быть свободной, не привязанной ни к чему. Жить, как перекасти-поле, довольствуясь малым, и смеяться, даже если очень хотелось плакать.

Но так ведь не могло продолжаться вечно. Прошла неделя, другая, третья, и до Маши постепенно стало доходить: в своей попытке стать прежней и забыть лето и Сафронова она напрасно тратит время. Пусть с ребятами не нужно было что-то решать, с ними было весело и прикольно, но не для того она училась в театральной студии, чтобы бегать по улицам и раздавать флаеры. История с Вадимом выбила её из колеи. В Василькове ей казалось, что она умрёт без него. Но здесь, в Минске, на своей территории, всё уже не было так болезненно и остро. А может быть, и сама Маша была не в том возрасте, когда разбитое сердце может стать концом жизни. Чего больше было в том, что случилось в деревне? Уязвлённого самолюбия и растоптанной гордости или же по-настоящему разбитого сердца? Сейчас Лигорская и сама, наверное, не могла бы со всей определённостью ответить. Просто в какой-то момент, рассматривая себя в зеркале, она приложила ладонь к животу и поняла, он больше не плоский. Это не испугало её, но и не вызвало каких-то невероятных эмоций, вроде проснувшегося вдруг материнского инстинкта. Просто заставило чётко осознать, что у неё есть немного времени и растрчивать его впустую она не может. Ребёнок...

Её положение здесь, в Минске, само по себе, было не так уж плохо, пусть родители и считали по-другому. С ребёнком будет непросто. Нет, даже не так. Она вообще не представляла, что будет делать с ним. Её уверенность в том, что вообще стоит рожать несколько пошатнулась. Только упрямое желание доказать Сафронову, что он был неправ, и утереть тем самым нос, удерживало её от похода к врачу и аборта.

Несколько месяцев девушка не заходила в кастинг-агентство и не была на студии «Беларусьфильма». Но однажды сентябрьским утром она не пошла с ребятами к станции метро, где они подрабатывали, а, принарядившись и подкрасившись, прихватила рюкзачок и отправилась напомнить о себе. Да, на какое-то время она забыла о своих планах, целях, мечтах и амбициях, но наваждение прошло, и Лигорская намерена была действовать.

Кастинги в Минске, конечно же, случались, и актёры требовались, но после первого же Машка поняла, что просто отвыкла от всего этого. Она привыкла перед камерой выкладываться по полной, вживаться в образ и, отрекаясь от себя, жить мыслями и эмоциями героя. Она не боялась камеры, более того, даже не замечала её. Но сейчас чувствовала себя зажатой, скованной и неуверенной. Её харизматичности и обаяния не хватало, чтобы получить роль, даже эпизодическую. И Машка сама это понимала. По сути, нужно было начинать всё сначала. Это расстраивало. Но вместе с тем это был будто вызов самой себе, и Маша его принимала.

Она соглашалась на массовку, незначительные эпизоды, за которые и платили-то всего ничего. Но это было всё же лучше, чем раздавать флаеры и тусить в переходах. К тому же Машке всегда нравилась атмосфера съёмочной площадки и возможность общаться с разными творческими людьми. Это вселяло уверенность, отвлекало и не давало пасть духом. Лучше быть здесь, на площадке, чем дома. Там она предпочитала появляться ближе к ночи и исчезать, никем не замеченная. Ей казалось, что в родительской квартире так же не жадут встреч с ней и в общем-то только рады её отсутствию, но она ошибалась. А может быть, просто с привычным пофигизмом не хотела считаться с мыслями и чувствами людей, которые её мало интересовали, например, такими, как муж её сестры. Для неё заигрывания и флирт с ним и те несколько поцелуев были всего лишь по приколу, на спор, не более того. Но ведь не зря старшая сестра истерила. Она-то чувствовала, видела, знала: муж не любит её больше, не хочет. Более того, в его мыслях, фантазиях и сердце живёт младшая сестра. И даже беременность Ольги, желанная для них обоих ещё год назад, не удержит Олега. Если только Машка поманит... А она может. Почему-то Оля в этом не сомневалась, а возможно, это стало просто паранойей. Бывало, она даже ночами не спала или просыпалась среди ночи и прислушивалась к дыханию мужа. Она боялась уснуть первой и, проснувшись, не найти его рядом. Он ведь мог пойти к Машке, они могли договориться. А уж про то, что муж и младшая сестра могли бы остаться одни в квартире... Нет, такого молодая женщина допустить не могла. И ей плевать было на то, как всё это сказывается на её самочувствии, внешнем виде или ребёнке. Для неё центром вселенной был муж, и она собиралась удержать его любой ценой. Оля даже не подозревала, что Олег чувствует себя мухой, попавшей в паутину и, лежа ночами без сна, думает, как вырваться отсюда, и мечтает о другой девушке. И с каждым днём всё отчетливее понимает с какой-то иступлённой отчаянностью, что на всё пойдёт, чтобы добиться её. А пока ему следовало хотя бы остаться с ней наедине и поговорить. Но как это сделать, если Маша пропадает дни напролёт неизвестно где, а жена прилепилась к нему, как моллюск к раковине, и даже на полчаса не может оставить одного? Впрочем, безвыходных ситуаций не бывает, а уж тем более, если чего-то очень сильно захотеть...

Возвращаясь домой поздно, Машка могла позволить себе утром понежиться в постели и поспать подольше, предпочитая вставать уже после ухода родственников. Никуда не торопясь, она могла спокойно позавтракать, принять ванную, собраться и уйти, и это её вполне устраивало. Но однажды, когда она выходила из душа, завёрнутая в махровое полотенце, во входных дверях повернулся ключ. Лигорская с некоторым недоумением приостановилась в прихожей, а потом прибавила шагу, надеясь незамеченной укрыться в своей комнате. Но тот, кто вошёл, оказался проворнее. Маша открыла двери спальни, и в тот же момент в её руку впились чьи-то цепкие пальцы и толкнули к стене. Девушка вскрикнула и сильнее вцепилась в края полотенца, под которым, естественно, ничего не было, и оказалась лицом к лицу с Олегом.

– Вот мы и одни. Наконец-то, – сказал он, окидывая её всю жадным взглядом.

– Ты сошёл с ума? – возмутилась Лигорская, придя в себя от неожиданности. – Ну-ка сейчас же пусти меня и отойди! – скомандовала она, грозно сдвинув брови. – Ты что, вообще страх потерял? Или хочешь, чтоб Олька в порыве чувств прибила тебя? И меня с тобой заодно?

– Мне плевать на неё и на всех остальных тоже. Я хочу тебя, хочу продолжить там, где мы остановились. Ты нужна мне вся, Маша...

– Слушай, да моя сестрица явно отшибла тебе мозги. Ты что, не понял, что это был приколу. Ты мне вообще не нужен был. Я просто с ребятами поспорила и выиграла. Всё, финита ля комедия, понял? – девушка попробовала вырваться, но Олег держал её крепко.

– Нет, это ложь. Зачем ты так, я ведь знаю, что всё было иначе... – всё так же удерживая её одной рукой, другой парень потянулся к её груди, которая была прикрыта полотенцем. – Сейчас ты всё это говоришь из-за сестры и ребёнка, но на него мне тоже плевать. Я не хотел его, это всё Олька... Она надеется удержать меня таким образом. Но у неё ничего не выйдет. Я

останусь с тобой. Я буду с тобой всегда. И сейчас, и потом... Пойдём в спальню? Я отпросился с работы, нам никто не помешает...

– Чего? – протянула девушка, изворачиваясь от его рук.

Она смотрела на парня, прикидывая в уме: он пьян или в самом деле не в себе, но всерьёз всё же не опасалась за себя. Хоть и была Маша Лигорская маленькая, но постоять за себя умела, не зря ведь на карате ходила.

– Ну чего ты строишь из себя недотрогу, я ведь всё знаю о твоих похождениях в Василькове! Но мне и на это плевать! Я схожу по тебе с ума... – Олег, изловчившись, схватил её руки и прижал их к стене...

Полотенце медленно сползло и упало к ногам девушки, а Олег опустил глаза, пожирая взглядом её обнаженное тело... Впрочем, длилось это не больше секунды. Машка среагировала молниеносно, заехав ему между ног... Мужчина охнул и согнулся пополам, выпуская её руки, а девушка, присев, подобрала полотенце и прижала его к груди.

– Попробуй ещё хоть раз прикоснуться ко мне! – процедила Лигорская.

– Больно! – простонал Олежка. – Однажды ты мне за всё ответишь...

– Ага! – хмыкнула девушка, собираясь оттолкнуть его и скрыться в своей комнате, но не успела.

Входная дверь распахнулась, ударившись о стену прихожей, и в проёме возникла старшая сестра.

– Я так и знала! – закричала Ольга. – Ах ты, негодяйка рыжая... – сестрица ринулась к ним, а Машка что есть силы оттолкнула от себя Олега. Он налетел на свою благоверную, и они вдвоём, не устояв на ногах, повалились на пол, а Маша шмыгнула в свою комнату и заперлась.

В этот день из спальни девушка так и не решилась выйти, потому что за дверями началось такое... Оля причитала и ругалась. Олег угрюмо молчал. Потом сестрица стала звонить матери, а потом и вовсе собралась умирать. Вера Михайловна отпросилась с работы и примчалась домой. Испугавшись за здоровье старшей дочери и будущего внука, она вызвала скорую. Ольгу увезли в больницу с признаками выкидыша, а Олег, не произнеся за всё это время ни слова, просто ушёл из квартиры. Мама, естественно, помчалась в больницу. Маша, наслушавшись за весь день всякого, решила, что больше не останется в этом дурдоме ни дня. Не могла она больше вот так шифроваться, всё время воровато красться и постоянно чувствовать враждебное настроение окружающих. Шёл третий месяц её беременности. В конце концов, в её положении противопоказано волнение. Пора выметаться отсюда. Но вот куда? И чем платить за жильё? С её-то гонорарами артиста второго плана и массовки едва хватит на еду. Впрочем, кое-какие мысли по этому поводу у девушки были...

Не раз за весь этот день звонили ребята и звали на тусовку, но она отказалась. До вечера она просидела за ноутбуком, в поисках хоть какого-то жилья, а ещё разместила объявление о продаже своего мотоцикла. Расставаться с ним было жалко. Но Лигорская понимала, что нескоро снова сможет гонять на нём. Просто держать его в отцовском гараже и приходить раз в неделю, чтобы полюбоваться и стереть пыль, тоже не вариант. Он почти новый, и денег от его продажи хватит на несколько месяцев. Что будет потом, когда закончатся деньги, девушка старалась не думать, будучи уверенной: всё наладится.

Через неделю Олю выписали из больницы. У неё всё же случился выкидыш, а дома ждал ещё один неприятный сюрприз. Вместе с ребёнком старшая сестра потеряла и мужа. Олег забрал свои вещи и ушёл. Он не отвечал на звонки и избегал встреч. Конечно, для молодой женщины это стало ударом. И естественно, во всём произошедшем она обвинила младшую сестру. И вечерами, если отца не было дома, а Маша рано возвращалась, Оля устраивала страшные скандалы, проклиная на чём свет стоит Машу. И это было невыносимо.

Лигорская просматривала объявления по комнатам и квартирам и пару раз даже съездила посмотреть некоторые варианты. Но ни один из них ей не подошёл. Квартиры были неимо-

верно дорогие для неё, а комнаты в общежитиях и коммуналках пугали ремонтом и интерьером. В конечном счете на помощь пришли друзья: кто-то из них вспомнил, что у родственников пустует комната в общежитии. Вариант, конечно, так себе, зато они готовы сдать её за квартплату. Маша съездила за ключами и решила больше не тянуть. Пусть эта комната была не лучше тех, которые она уже смотрела, но ведь можно было потом сделать ремонт. К тому же подкупало наличие хоть какой-то мебели. Забрать что-то из дома она не могла, да и мама вряд ли позволит, а покупать новую было не на что.

Маша сложила свои вещи, подушку, одеяло, постельное бельё, ноутбук и, попросив ребят помочь всё это перевезти, объявила родителям о своём решении. Конечно, можно было съехать в один из тех дней, когда папа и мама были на работе, оставив им записку, но Машка не смогла так поступить, хоть и понимала: так куда проще...

У родителей эта новость, как ни странно, вызвала некоторый ступор.

Лигорский первым пришёл в себя и, сдвинув брови, грозно взглянул на жену.

– Вера, это твоих рук дело? Вы опять с Ольгой взялись за старое?

– Утомонись, Коля, – шикнула женщина на мужа. – Маша тебе незачем уезжать! Мы тебя не гоним...

– Разве? – не смогла сдержать сарказма девушка. – Впрочем это уже неважно. И дело вовсе не в вас! Я сама хочу съехать!

– Куда? И на что ты собираешься снимать жильё? Или ты с кем-то жить вздумала? Маша, не пори горячку!

– Успокойся, мама! Я просто съезжаю от вас, а на что я буду снимать жильё и как буду жить дальше, пусть тебя не беспокоит. Если уезжаю, значит проживу! Я просто не могу больше оставаться здесь! – парировала девушка.

– Ну, в этом я тебя, конечно, понимаю, дочка! В нынешней обстановке можно двинуться умом! – неожиданно поддержал её отец.

– Лигорский, помолчи! – одёрнула его Вера Михайловна.

Она хотела было ещё что-то добавить, но тут дверь в комнате старшей сестры распахнулась, и на пороге появилась Оля.

– Мама, да неужели неясно, куда она собралась! Они с Олегом всё заранее спланировали! Они ведь и меня до выкидыша довели, развязав себе руки! – запричитала сестрица.

– Слушай, Ольга, да кому нужен твой Олег?! Вырвавшись из этой квартиры и избавившись от тебя, он ни за что не захочет больше иметь дело с кем-то из нашей семьи! – стараясь сохранять спокойствие, сказал Лигорский, но было видно, что это ему даётся с трудом.

– Да он же из-за неё ушёл, а теперь они точно свили где-то любовное гнёздышко. Она к нему бежит...

– Оля, заткнись и иди к себе в комнату! Тебе что врач сказал? Не нервничать. Вот и успокойся! Нужен ей твой Олег, как прошлогодний снег! – рявкнул отец. И Оле ничего другого не оставалось, как скрыться в своей комнате.

– Маша, лучше расскажи нам всё! Расскажи, пока ещё не поздно и ты не вляпалась в скверную историю! – настаивала на своём мама. – Ты что, может, с наркотиками связалась? Ты знаешь, что тебя посадят, если попадёшься. Маша, одумайся...

Лигорская тяжело вздохнула. И чего это мама к ней привязалась? Сама же хотела, чтобы она съехала, а теперь вот возмущается и допытывается! Прислонившись к дверному косяку, девушка смотрела на своих родителей и не чувствовала по отношению к ним ничего. Она не обижалась на них. Просто хотела уехать и не встречаться с ними по крайней мере до рождения ребёнка. Она устала от них. Устала от вечной критики, придинок и неодобрения.

– Мам, может, я и безбашенная, но отнюдь не дура. Какие наркотики? Ты о чём? Я просто хочу жить самостоятельно и делать то, что мне вздумается!

– Можно подумать, живя с нами под одной крышей, ты делала то, что мы хотели! – мама вошла в кураж.

Девушка не сочла нужным ей отвечать.

– Пап, сможешь мне снести вещи вниз? – она обернулась к отцу, понимая, что с матерью бесполезно продолжать разговор. Это всё равно никуда не приведёт.

– Я могу тебя отвезти!

– Нет, не надо. Меня друзья внизу ждут!

– Вот, Маша, у тебя, как всегда, друзья на первом месте! Ты хоть раз подумала бы, как пагубно их влияние. Мы с отцом столько для тебя сделали, а благодарности никакой. И сейчас тоже... Ты б хоть раз нас послушала, – кричала Вера Михайловна.

– Мама, спасибо за всё, но дальше я сама! И можешь не переживать, обратно я не прибегу, даже если набью себе шишку! – бросила она напоследок и, отвернувшись, скрылась в своей комнате.

Они с отцом снесли вниз её вещи, а там уже ребята быстренько загрузили всё в багажник «Жигулей», который, по всей вероятности, одолжили у кого-то из родителей.

– Ну, я поеду, пап, – обернулась девушка к отцу и как-то неловко обняла его на прощание.

– Маш, ну ты это... Звони, не пропадай, заходи и сообщи нам адрес. Может, мы с матерью как-нибудь в гости зайдём. И вообще, если что нужно будет, тоже звони. И ещё, вот, – отец вытащил из кармана несколько денежных купюр. – Возьми. Тебе пригодятся.

– Пап...

– Бери-бери, – мужчина почти силой всучил ей деньги. – И не обижайся на мать. Она, правда, хотела как лучше, – сказал он и как-то виновато отвёл глаза.

Лигорский чувствовал себя виновным за то, что доверил воспитание детей жене. За то, что любил Ольгу больше и ничего не сделал для того, чтобы примирить детей. Они с женой с детства считали Машку вредной хулиганкой, а Олю милым и безвредным ребёнком. И только сейчас он понял, как обстоят дела на самом деле. Оля с детства была эгоистична и избалованна, и в этом, безусловно, были виноваты они. А Машка, наверное, чувствовала, что её меньше любили, оттого и отдалилась от них. Делая всё по-своему, она тем самым давала им понять, что не нуждается в их поддержке или одобрении. Ведь она не смогла получить от них самого главного – безусловной родительской любви. Конечно, они одевали её, кормили и давали ей деньги на карманные расходы. А ещё критиковали и не одобряли все двадцать лет! А теперь Машка выросла и выбрала свой путь в жизни! Она уходила от них, и Лигорский был уверен: как бы ни сложилась её жизнь, назад дочь не вернётся. И не простит их, даже если они очень будут просить.

– Пап, будете в Василькове, обнимите за меня бабушку и скажите, что я её люблю. Я пока не смогу приехать к ней, но как только определюсь со всем, обязательно навещу!

– Маш, ты так говоришь, как будто прощаешься с нами навсегда. Ты же будешь заходить и звонить, правда? А когда устроишься, сообщишь нам?

– Я не могу этого обещать. Но я позвоню, правда, папа!

– Маша...

– Пап, мне пора, ребята уже заждались.

Вещи были загружены в багажник, и, в последний раз махнув отцу на прощание, Маша забралась в авто и захлопнула за собой дверцу. Мотор взревел, и «Жигули» вырулили со двора. А Лигорская даже не обернулась взглянуть в последний раз на родной подъезд. Это теперь тоже стало прошлым, и она отворачивалась от него, как отворачивалась в последнее время от всего, что так или иначе могло ранить и причинить боль. Она должна думать только о будущем и смотреть вперёд!

Ехать пришлось довольно долго, так как общежитие, где она сняла комнату, находилось в другом конце города. Почти всю дорогу ребята молчали, но, когда увидели обшарпанное здание пятиэтажки, не смогли остаться безучастными.

– Машка, ты уверена, что правда сможешь здесь жить? – вдруг поддавшись сомнениям, уточнили они.

– Да ладно вам, можно подумать, я принцесса! Это только с виду у здания такой обшарпанный вид, внутри нормально. Люди ж как-то живут здесь, и я проживу! – спокойно ответила девушка.

– Так-то люди! Они, должно быть, привыкли... Ведь известно, какой в таких общежитиях контингент... Как ты собираешься жить среди них? А если случится чего?

– Ничего не случится! К тому же я могу постоять за себя! – убеждённо заявила девушка. – Пока я могу позволить себе только комнату в этом общежитии. Но постараюсь не задержаться здесь надолго! Как только смогу заплатить за что-то более приличное, тут же перееду. А пока я буду жить здесь.

– Маш, неужели тебе это так необходимо? Неужели дома действительно всё так плохо?

– Мне это правда необходимо, и есть ряд причин, чтобы бежать из родительской квартиры без оглядки. Но даже если бы не каждодневные скандалы и упрёки, мне всё равно пришлось бы в скором времени уехать. Мама просто не позволила бы мне остаться дома и превратила бы мою жизнь в ад! А так... Я свободна и с каждой минутой понимаю всё больше, как бы всё ни сложилось в дальнейшем, сейчас я приняла правильное решение.

– Маш, ты что-то темнишь...

– Ну если только чуть-чуть! – девушка улыбнулась. – Вы упадёте, если скажу!

– Тебя что, утвердили на главную роль?

– Ты закрутила роман с известным актёром? – тут же принялись гадать парни.

– Нет, я беременна! – призналась она.

– Чего? – уставились на неё ребята, не поверив её словам. – Да ты разыгрываешь нас, что ли? Слушай, Машка, это вообще ни капли не смешная шутка.

– Это не шутка. Это правда. Весной я стану мамой!

– Блин... Так ты это... Ты что, не одна здесь жить будешь? С отцом ребёнка? Кстати, кто он? Явно не из нашей тусовки! Ты что, в своей глуши роман закрутила с кем-то? – Машку тут же засыпали вопросами.

– Я буду жить одна. А потом со своим ребёнком. Папы у нас не будет. И мне не хотелось бы больше говорить об этом.

– Блин, Машка, ну ты... Так ты поэтому продала свой мотоцикл?

– Да, поэтому, – кивнула она. – Гонять на нём как раньше я уже не могу, а деньги мне нужны!

– Слушай, а ты уверена, что справишься? – не отставали ребята. – Ну, как бы, если одна, это и понятно, а с ребёнком... Слушай, а здорово, если у тебя будет пацан!

– Я хочу дочку!

– Девчонку... Не, ну если только похожую на тебя... Маш, а в поликлинику ты уже ходила?

– Нет, я же не работаю, мне декрет оформлять не нужно. Чувствую себя хорошо, позже схожу, если что! – беззаботно отмахнулась от них девушка.

– Не-не, Маш, ты сейчас иди, там дело вовсе не в том, работаешь ты или нет. Во всём этом есть куча разных заморочек. Я тебе отвечаю, моя сеструха, когда становилась на учёт, там такая канитель была... Ты, короче, завтра давай дуй к доктору... Хочешь, свозим тебя?

– Ну ладно, давайте подъезжайте с утра! Так и быть, сходим к этому самому доктору, а теперь, может быть, будем уже выгружаться? – улыбнувшись, предложила она, тронутая заботой друзей.

* * *

За ребятами закрылась дверь, и Маша осталась одна в небольшой комнате, оклеенной старыми выцветшими обоями, с побеленным потолком и полом, на котором облупилась краска. Ремонт здесь делали давно, но несмотря на это в комнате царил порядок. Хозяйева были нормальными людьми. Несколько лет назад они получили квартиру, а комнату всё как-то не решались сдать. И если бы их об этом не попросил племянник, она бы, наверное, ещё долго простояла пустой. Здесь хозяйева оставили кое-что из старой мебели, что для девушки было немаловажно. А главное, входная дверь была довольно массивной и запиралась на два замка.

Несколько минут Маша Лигорская просто стояла и смотрела на сумки, чемоданы и коробки вокруг себя, а потом опустилась на единственный стул, сняла куртку и расстегнула пуговицу в джинсах, которые уже стали немного маловаты.

Что ж, новое жилище выглядело довольно уныло, как и начавшийся за окном дождь. К тому же стычка с родителями и переезд утомили её. Сейчас просто забраться бы под плед и полежать, но девушка не позволила себе раскиснуть. Бодренько поднявшись, она принялась распаковывать вещи и приводить комнату в порядок.

А к вечеру на окне уже висели занавески. Кровать была застлана чистым постельным бельём и стёганным покрывалом, на котором расположился белый плюшевый мишка, с которым Маша любила засыпать. Вещи удалось вместить в узкий платяной шкаф, а в тумбочку – любимые книги. Сверху она поставила ночник и фотографию в рамке, на которой была запечатлена с бабушкой этим летом. Ноутбук положила на подоконник, как и все косметические средства. А прямо на стол – все кухонные принадлежности. Их было совсем немного, и к вечеру стало понятно: ей даже не в чем вскипятить себе воду. Но эту проблему девушка быстро решила, отправившись в магазин и купив не только электрочайник, но и кастрюльку, сковороду, какие-то прихватки и продукты на первое время. Начиналась самостоятельная жизнь. Значит, готовить, стирать, утюжить и убираться придётся самой, а у неё не было ни утюга, ни тазика, ни гладильной доски. Но эту проблему девушка оставила на завтра. Исследовав коридор, она отыскала душ и туалет, а также заглянула на кухню, где предстояло периодически готовить еду.

Потом вернулась к себе, заварила чай, сделала бутерброды, забралась с ногами на единственный стул и огляделась.

В результате её стараний комната выглядела мило и уютно. Конечно, не помешал бы ещё ковёр на пол и абажур на безликую лампочку под потолком, но пока придётся обойтись без них. Комната была небольшой, и в ней уже сейчас было тесновато. Если до рождения ребёнка ничего не изменится, придётся выбирать что-то одно – либо коляску, либо кроватку. Обе здесь просто не поместятся. А ещё ей необходим был холодильник, хотя бы самый крошечный, но и его Маша не могла себе позволить. Денег было в обрез, и нужно было экономить. Да и куда его здесь поставить? А вообще скоро зима, а значит можно хранить продукты на карнизах, за окном.

Полужинав, девушка сходилась в душ, а потом, переодевшись в пижаму, улеглась в постель с очередной книгой по актёрскому мастерству.

Первую ночь в своём новом жилище Маша спала как убитая, прижимая плюшевого медведя. Только утром она вспомнила, что ни разу за вчерашний день не вспомнила об ушедшем лете.

Глава 3

Тяжело давались Маше Лигорской эти первые дни и недели самостоятельной жизни. Как-то иначе представлялось ей всё. Хотя девушка была совершенно нетребовательна в быту, мало приятного было в том, что туалет, душ и кухню, на которой она почти не появлялась, приходилось делить с чужими людьми, настроенными к ней не очень дружелюбно. На их этаже в общезжитии жили женщины лет сорока и бабушки, которым было далеко за шестьдесят. И появление двадцатилетней незамужней особы, у которой время от времени собиралась компания ребят, они восприняли настороженно, не ожидая от такого соседства ничего хорошего. А ещё были дежурства, во время которых полагалось целую неделю убирать на кухне и в санузле, и этого невозможно было избежать.

Ещё одним испытанием стали походы в женскую консультацию, бесконечные анализы, врачи, процедуры, приёмы и очереди, в которых ей приходилось просиживать часами. Но ещё больше бесила предвзятость и молчаливое осуждение врача, ведь в графе «отец» у Лигорской стоял прочерк. Машку злили и выводили из себя надменные взгляды этой уже не молодой докторши, которая возомнила о себе невесть что и не скрывала этого. Для неё Лигорская была просто гулящей девкой и не более того.

Шёл пятый месяц её беременности. Она пополнена, и скрывать своё положение на кастингах и перед отцом, который иногда звонил и привозил втихаря от матери деньги, было всё сложнее. Впрочем, деньги были не только от отца. Из Василькова деньги для неё передавала бабушка. А когда она узнала, что любимая внучка теперь живёт отдельно, попросила отвезти ей картошку и овощи, что-то из солений и зачем-то даже перьевую подушку, которую баба Антоля сама насыпала. Маше было стыдно брать деньги как от отца, так и от бабушки. Она ведь знала, что приходилось выслушивать старушке от Веры Михайловны по этому поводу. Но эпизодических ролей становилось всё меньше, а за массовку и вовсе платили сущие копейки. Дальше в финансовом плане будет ещё тяжелее. Девушка это понимала. Не спасут и те деньги, которые положены молодым мамочкам при рождении ребёнка. И всё же какой-то внутренний стержень не давал ей расклеиться, отчаяться или сломаться. Лигорская не боялась, знала, что справится. Что-то придумает или что-нибудь случится, и станет лучше, чем сейчас. Ведь после чёрной полосы всегда приходит светлая. Так будет не всегда, а все те, кто сейчас пытается унижить её и оскорбить, ещё услышат о ней. Она всем им утрёт нос, и первым в этом списке будет Сафронов...

Как и когда она сможет насолить именно ему, Лигорская не знала. Но сам факт того, что она носила его ребёнка, которого Вадим никогда не узнает, уже наполнял её какой-то злой радостью. Однажды, когда она станет известной актрисой, он увидит её ребёнка на обложке журнала и пожалеет о своих словах. Мужчина захочет увидеть дочь, но Лигорская ему этого не позволит, даже если он на коленях будет просить.

А это обязательно случится. Как мантру, молитву или заклинание, она повторяла это про себя каждый день и держалась. Не падала духом ещё и благодаря своим друзьям. Пусть они были шалопаями, которые беззаботно прожигали жизнь и не заморачивались сложностями, но они могли оценить и понять всю сложность Машиного положения. Ребята притащили девушке гладильную доску и утюг, ковёр и тазик, чашки, из которых пили у неё чай. Близилась зима. На улице заметно похолодало. И они уже не могли как раньше тусить на старом аэродроме и в переходах метро, поэтому стали собираться у девушки и тащили в её комнату всё нужное и ненужное. Но самым главным была детская кровать, которая пока стояла в разобранном виде у стены. Ребята обещали собрать её, как только в этом появится необходимость. Чья-та младшая сестрёнка выросла из этой кровати, и её привезли Маше.

Лигорская всегда радовалась приходу ребят. Их присутствие разгоняло тоску, которая в это время года была неизбежна. И девушка в такие вечера, окрашенные анекдотами, приколами, весёлыми историями и взрывами смеха, очень жалела, что у неё нет старшего брата.

Ближе к Новому году на очередных съёмках к Маше подошёл ассистент режиссёра и, деликатно осведомившись о её положении, предложил поучаствовать в проекте, который запускался новым медицинским центром, рассчитанном на мать и дитя. Этот центр имел хороший рекламный бюджет и искал не просто красивую беременную молодую женщину, которая готова красоваться на баннерах, а именно актрису, знаменитость. Маша скептически усмехнулась, но взяла предложенную визитку. И пошла на встречу, которую ей назначили в частном порядке. Не на кастинг, потому как в Минске в это время года не нашлось беременных актрис, готовых сняться в рекламе. И неожиданно ей повезло. Она им подходила. Более того, после фотопроб с Лигорской подписали долгосрочный контракт, в котором в дальнейшем подразумевалось участие в рекламной кампании не только её самой, но и новорождённого малыша. Возможно, Маша не до конца осознавала, что делает и во что ввязывается, но сумма ежемесячных отчислений была такой, что думать она могла лишь о том, на что потратит эти деньги.

Уже на следующий день работа закипела. Студия, фотосъёмки, работа с визажистами и стилистами. Её участие в рекламной кампании, подразумевало не только фото на баннерах, билбордах, но и проспекты, визитки и другую печатную рекламу. И конечно же, видеоряд. До Нового года оставалось несколько дней, когда на дорожных баннерах Минска появилась реклама нового медицинского центра, лицом которого стала хорошенькая рыжеволосая актриса – Мария Лигорская – с округлившимся животиком и ямочками на щеках. Она приглашала всех будущих мамочек прийти именно в их медицинский центр, который обещал высокую квалификацию специалистов, широкий спектр услуг, новейшее оборудование и относительно приемлемые цены. Тут же реклама пошла и по телевизору. И разразился скандал. Впрочем, Маша понимала, что может последовать, когда все родственники, а в первую очередь мама, увидят её беременной. Звонок от родителей поступил незамедлительно. Мама говорила очень долго, много и эмоционально. Она требовала признаться, кто отец её ребёнка, давила на совесть и мораль, жалость и приличия. Называла её поступок позором, который пал на них с отцом и из-за которого они теперь людям в глаза не смогут смотреть. Просила подумать о психическом здоровье сестры, которая уверена, что ребёнок от Олега. Ведь он подал на развод и знать не желал Ольгу, а та ходила по психотерапевтам и глотала транквилизаторы.

Маша слушала маму и не пыталась ни оправдаться, ни объяснить. Когда женщина выдохлась и замолчала, девушка просто нажала на отбой и внесла номер в чёрный список. В тот момент Мария отчётливо поняла, что лишилась родителей навсегда. Но это не поколебало её уверенности. Со свойственным упрямством она шла вперёд, с лёгкостью расставаясь со всем, что могло бы помешать и стать преградой.

Новый год Маша встретила с ребятами в общежитии, умудрившись нарядить маленькую ёлочку и накрыть стол. Ребята пили шампанское и веселились, играли на гитаре и болтали, загадывали желания под бой курантов и смотрели фейерверки, которые запускали у них во дворе. А потом отправились на улицу, где играли в снежки и качались в снегу, как дети, взрывали петарды и смеялись.

На следующий день, проснувшись ближе к обеду, девушка поехала в центр города. Она любила бывать на Немиге и бродить по узким улочкам Троицкого предместья, спускаться к Свислочи или просто стоять на мосту. На телефон то и дело приходили сообщения с поздравлениями: звонили ребята из кастинг-агентства. Представители медицинского центра ещё накануне прислали ей подарок. Многочисленные знакомые желали всего хорошего, и Лигорская со свойственным ей оптимизмом верила: всё так и будет. Пусть сейчас она была одна в этом большом городе, но девушка не чувствовала себя больше одинокой. И снова думала о двух людях, о которых не могла не думать... О бабушке, которой накануне праздников отправила открытку,

уверенная, что почтальон обязательно прочтёт старушке все пожелания. И о Сафронове. Она хотела бы о нём не думать и не могла. Где он сейчас? С кем и как встретил этот праздник? Вспомнил ли хоть раз за все эти месяцы о ней? И что почувствовал, когда увидел её беременную? Пожалел ли, что тогда оттолкнул её, не поверил и причинил ей боль, или по-прежнему уверен, что ребёнок не его, и лишь скептически усмехнулся, узнав её? Маше очень хотелось бы его ненавидеть, презирать или забыть, но она не могла. Всё так же продолжало саднить уязвленное самолюбие и растоптанная гордость. По-прежнему внутри что-то ныло, причиняя боль. Она смеялась, веселилась, прикалывалась, ко всему относясь играючи, но только не наедине с собой...

После Нового года девушке предложили ещё один контракт. На этот раз это был большой магазин для мам и детишек. Маша с радостью приняла предложение и, возможно, благодаря этим двум контрактам о ней стало известно в более широких кругах столицы. Девушку стали приглашать на телевидение в программы, главной темой которых было будущее материнство. Находясь в студии, не нужно было о чём-то особо распространяться, просто улыбаться, изображая безмятежность и счастье, кивать, поддакивать и получать за участие деньги. Машу это не напрягало, наоборот, развлекало и заставляло держать себя в форме настолько, насколько это вообще было возможно в том положении, в котором она сейчас пребывала. Часто, глядя на себя в зеркало, Маша критично сжимала губы и сравнивала себя с женщиной-сферой. Она достаточно много прибавила во время беременности и не находила в этом ничего привлекательного.

После семи месяцев беременности девушка перестала принимать какие-либо предложения, касающиеся съёмки и рекламы, и теперь нечасто выходила на улицу, тяготясь своим положением и погодой за окном.

Наконец эта долгая зима закончилась. В марте снег почти растаял, лишь кое-где ещё остались серые грязные пятна. Холодная дымка весенних облаков к обеду исчезала, и над серым озябшим городом простиралось невероятно голубое и высокое небо. Солнце, ослепляя яркими лучами, чуть-чуть согревало и поднимало настроение. Несмотря на то, что по ночам ещё подмораживало, а днём было грязно, дышалось так легко!

Маша наслаждалась приходом весны всё больше из окна своей комнатки, потому что спускаться по лестнице и просто долго ходить становилось труднее. Она была неуклюжей и большой. У неё отекали ноги. Девушка с трудом могла приготовить себе поесть, а уж постирать и вовсе нормально не получалась. Последний месяц беременности очень измучил её. Она плохо выглядела, но подобное уже не могло расстроить. Лигорская мечтала лишь о том, чтобы ребёнок поскорее родился и всё это осталось позади. О том, как это произойдёт она не думала, как и о том, что будет, когда она привезёт новорождённую домой. Она устала морально и физически. Девушке хотелось прежней лёгкости и свободы. Маша чувствовала себя узницей собственного тела, и всё это ужасно раздражало. В женской консультации с некоторым беспокойством посматривали на её живот и предлагали лечь в больницу, но Машка отказывалась. Уж лучше быть одной, чем терпеть круглосуточное общество других мамочек и слышать вопросы, на которые ей не хотелось отвечать. Девушке казалось, что утомительней и ужасней последних недель беременности уже ничего не может быть.

Проснувшись однажды среди ночи, Маша Лигорская несколько минут просто лежала и не могла понять, что же её разбудило. Она лежала на спине, и всё вокруг было прежним. Девушка не сразу поняла, что простыня под ней мокрая, точно так же, как и футболка. Маша попробовала подняться, но вдруг сильная боль пронзила её всю. От неожиданности она закричала и упала на подушку. И вот так лежала какое-то время, боясь шелохнуться или вздохнуть полной грудью. Боль в пояснице волной разбегалась по всему телу и постепенно угасала. Пот выступил у Маши на лбу, а сердце от страха и близкой паники забилось с перебойми. Скорее всего, у неё

начинались роды. Умом она это понимала, но понимала так же и другое: она не сможет встать, чтобы вызвать скорую помощь, одеться и собрать всё самое необходимое с собой в роддом.

Слёзы страха и отчаяния медленно заструились по щекам. Кажется, никогда в жизни она не чувствовала себя такой беспомощной и одинокой. И никогда так отчаянно не нуждалась в присутствии близкого человека... Вадима. Очень хотелось вцепиться в его ладонь, большую, сильную, нежную, не отводить взгляда от его серых глаз и черпать силу в его непоколебимом спокойствии. Но она была одна. Ведь даже соседей всё это время Маша сторонилась и сейчас не могла просить их о помощи. Да и как просить, ведь на дворе глубокая ночь и никому на всём белом свете до неё нет дела?!

Внутри неё происходило что-то неладное, и неприятные ощущения всё нарастали. Закусив нижнюю губу, чтобы не закричать, девушка кое-как всё же сползла с постели и чуть не упала от нового приступа боли. Неведомая сила внутри, казалось, разрывала её на тысячи частей, причиняя нестерпимую боль. Но Маша заставила себя взять телефон и вызвать скорую, а потом стала медленно собираться, то и дело останавливаясь, чтобы перенести новые приступы боли.

Когда приехала скорая, Лигорская была полностью одета и даже успела собрать сумку с вещами для будущего ребёнка.

Фельдшер поднялась на третий этаж, помогла ей запереть дверь и спуститься вниз. Маша до крови искусала губы, стараясь не вскрикивать, а новые приступы боли, становились всё чаще и чаще. Девушка почти не помнила, как они приехали в больницу. Она уже не могла идти, её переложили на каталку, и все последующие часы потонули в непрерывных родовых муках.

Маша Лигорская не слышала, как закричал её ребёнок. В этот момент она просто лишилась чувств. А когда очнулась и открыла глаза, увидела, что находится в светлой комнате, залитой ярким светом ламп. Она лежала в палате, где кроме неё находились ещё несколько женщин. Первое, что почувствовала девушка, когда открыла глаза, было ощущение лёгкости во всём теле, которой она давно не ощущала. И больше не было так ужасно больно. Она чувствовала себя слабой и уставшей. И всё, чего хотелось в этот момент, просто снова отвернуться к стене и уснуть. Маша снова закрыла глаза, засыпая, коснулась ладонью живота и не обнаружила прежней округлости.

«Значит, ребёнок родился... Интересно, с ним всё в порядке? Должно быть всё хорошо. Ведь я молода и здорова. Наверное, следует попросить принести её, посмотреть, покормить, взять на руки. Нет, потом... Блин, соседки решат, что я плохая мать... Ну и пусть! Не могу сейчас, нет сил...»

Маша зарылась лицом в подушку и натянула на голову одеяло.

Спустя несколько часов девушка проснулась. День клонился к вечеру, и в палате царил оживление. Новорождённых принесли к мамочкам для кормления, но колыбелька, которая стояла у её кровати, была пуста.

Лигорская приподнялась на подушке и огляделась. Внутри всё ещё ныло, и было такое ощущение, будто её переехал трактор. Но сейчас это уже не волновало Машу. Она хотела видеть своего ребёнка.

Отбросив в сторону одеяло, она кое-как поднялась с кровати и, запахнув полы халата, вышла в коридор. Девушка шла, опираясь о стену и оглядывалась по сторонам, пока не наткнулась на огромное окно, закрытое жалюзи, которые сейчас были приподняты. За окном в кюветах лежали туго спеленатые младенцы, удивительно похожие между собой – с красными и сморщенными личиками и узким разрезом глаз. Среди них ведь должна быть и её малышка, но сколько бы Машка не вглядывалась, определить её не смогла. Медсестра, которая ухаживала за новорождёнными, заметив её, улыбнулась и вышла из детского отделения.

– Здравствуйтесь! Вы проснулись? Как себя чувствуете? – поинтересовалась она.

– Хорошо, – только и сказала Маша, не отрывая взгляда от детей.

– Пытаетесь угадать, где ваша? – поняв её, снова спросила медсестра.

– Кажется, они все на одно лицо, – призналась девушка.

– Ну если только в самом начале. Ваша фамилия Лигорская, так?

Девушка в ответ лишь кивнула.

– Ваша малышка вон та, что слева. Та, которая щёчки кулачками поджимает. Упрямая. Как ни пытались туго спеленать, всё равно вытаскивает ручки. Идите в палату. Я принесу вам ребёнка! – пообещала медсестра.

Лигорская перевела взгляд на кювез и почувствовала, как от внезапно подступивших слёз расплывается картинка.

– Да, спасибо! – кивнула она, сглатывая ком в горле, но не сразу смогла отвернуться, чтобы уйти. Маша вглядывалась в личико малышки, и то, что несколько минут назад казалось размытой картинкой, приобретало чёткие очертания... Прядь светлых волосиков на лбу, пухлые губки и ямочки в уголках, круглые щёчки и упрямый подбородочек. Вдруг показалось странным, как же она не узнала свою дочку, ведь та была так похожа на Вадима.

В положенный срок Машу с дочкой выписали домой. Собираясь в роддом, девушка взяла с собой всё необходимое, понимая, что встречать её никто не будет. Конечно, друзья звонили, поздравляли и интересовались, когда их выпишут из роддома, но и словом не обмолвились о том, что будут встречать. Поэтому для неё их приезд к роддому с цветами, конфетами и шарами стал настоящим сюрпризом. Они поблагодарили медперсонал, вручили Маше цветы и, вызвав такси, повезли её домой.

В городе уже всюду буйствовал апрель. Минск, казалось, проснулся после зимней спячки, и жизнь на улицах была ключом. Допоздна тротуары и площади были переполнены людьми. Никому не хотелось сидеть дома. Тёплая солнечная погода звала на улицу, а прохладные звёздные ночи обещали романтические приключения.

Маша Лигорская, вернувшись в своё общежитие с малышкой, тоже предпочитала не сидеть больше в четырёх стенах, а больше времени проводить на свежем воздухе. Дочку девушка назвала Екатериной, записав на свою фамилию и отчество. О том, чтобы дать маленькой Кате фамилию отца не могло быть и речи. Машка точно знала: Сафронов больше никогда не появится в их жизни. Время стирает всё, и воспоминания в том числе. К тому же она не была для него чем-то особенным, серьёзным. Даже если он и видел её в рекламе, это всё равно ничего не значило. Он уверен, что ребёнок был чей угодно, но только не его... И даже если он увидит, что Катюша так похожа на него, это ничего не изменит. Лигорская в этом не сомневалась. У него другая жизнь. Возможно, семья. Так бывает. Это не редкость. Ну что ж, значит Катюша принадлежит только ей. И Маша будет любить её за двоих и сделает всё возможное и невозможное, чтобы девочка росла, как маленькая принцесса.

Следующие несколько месяцев Маша Лигорская не отлипала от дочки. Не желая для себя другого общества, лишь иногда разбавляла его встречами с друзьями и съёмками. Вначале, как и было прописано в контракте, она снялась с двухмесячной малышкой в новом рекламном ролике, потом была реклама подгузников и детского питания, участие в нескольких телепрограммах, куда её приглашали в качестве гостя. Всё это было здорово, конечно, и приносило Маше кое-какие деньги, но это не было тем, о чём мечталось. Она хотела сниматься в кино, настоящем кино. Время шло, а предложений не поступало. Но даже если бы они и были, как бы она смогла работать? Катюше было всего несколько месяцев, и мама ей нужна была круглосуточно. После трёх месяцев о грудном кормлении пришлось забыть, но легче от этого не стало. Приходилось подбирать смесь, пугаться колик и высыпаний, не спать ночами, стирать все вещи руками, без конца утюжить горы пелёнок, купать, баюкать, развлекать, иногда вспоминая и о собственных нуждах. Машка не жаловалась, но всему этому приходилось учиться. Не всё получалось с первого раза, а поэтому бытовые заботы отнимали много сил и времени. В такие моменты она понимала: если бы даже ей предложили роль, у неё не нашлось бы не только

времени, но и сил. Лигорская мало и плохо спала ночами, похудела, а под глазами залегли тёмные круги. Всё время приходилось думать о деньгах. Где их взять и на чём сэкономить? Ей казалось, что до родов она распланировала бюджет так, что на первые полгода должно было хватить, но потом, когда родилась Катюша, оказалось, что о многих статьях расходов она понятия не имела, но пренебречь ими было невозможно. Деньги таяли, а взять их было неоткуда.

Машка слишком хорошо понимала, что на ежемесячном пособии, которое она получала после родов, они с дочкой долго не смогут продержаться. Скоро Катюше станет мало молочных смесей и придётся покупать мясное и овощное пюре. К осени ребёнок вырастет из распашонок и ползунков, понадобится новая одежда. Да и девушке тоже. Потребности со временем лишь возрастут, и Маша уже не представляла, как сможет справиться со всем этим. Возможно, когда Кате исполнится год, она сможет устроить её в ясли, но до весны нужно как-то дожить. А за это время в кино придут новые молодые актрисы, не обременённые заботами и маленькими детьми. Они будут с удовольствием работать с утра до вечера, уезжать сниматься в Москву или Петербург и не спешить к пяти часам в детский сад. Пройдёт ещё год, и о ней просто забудут. Сейчас, глядя на себя в зеркало, Машка находила некоторые перемены, произошедшие во внешности и выражении глаз. Она уже не была той красивой и беззаботной девочкой, которая так беспечно заливалась звонким смехом или просто улыбалась, выставляя на показ ямочки на щеках. Её зелёные прозрачные глаза в обрамлении тёмных длинных ресниц не искрились более озорством и весельем. Теперь в них поселилась вечная озабоченность. Да и улыбалась она всё реже, потому что радоваться было нечему, разве что только дочке.

Помощи ждать было неоткуда. Родители, даже отец, после рождения Катюши, не звонили и не появлялись. У бабушки, в Василькове, Маша не была почти год и сейчас даже не знала, как поживает старушка, жива ли она вообще. И только друзья неизменно оставались с ней, поддерживали, помогали, чем могли. Только к ним она обратилась за помощью, когда позвонили из кастинг-агентства и предложили прийти на пробы. Лигорская умом где-то понимала, что это бессмысленно. Даже если её утвердят, как она сможет сниматься с трёхмесячной Катюшей на руках? Но и не пойти не могла. Она знала, что тем самым поставит крест на своих мечтах и карьере актрисы. Маша сомневалась, что у неё хоть что-то получится, поэтому была очень удивлена, когда её утвердили на второстепенную, совсем незначительную роль в сериале из четырёх серий, который снимался в Минске по заказу российской киностудии. Но это была не безмолвная роль. Её героиня не просто мелькала в кадре, а ещё разговаривала и взаимодействовала с другими актёрами. У неё было несколько съёмочных смен, которые длились более двенадцати часов. Всё это время Катюша была с ребятами, которые кормили её, меняли памперсы, мыли, гуляли с ней, укладывали спать, всё время оставаясь с Машей на связи. В другой раз ребята не смогли побыть с ребёнком, и Маше пришлось взять её с собой на съёмки. Хорошо, что им предоставили трейлер, в котором актёры могли ждать своей очереди, отдыхать, учить текст и готовиться к съёмке. И пока Маша работала, девчонки-гримёрши развлекали Катюшу. Благо, та была очень спокойным и контактным ребёнком и не устраивала истерик, когда рядом оказывался чужой человек. Широко распахнутыми серыми глазами девочка сосредоточенно рассматривала каждого, кто оказывался рядом, сжимая при этом пухлые губки, так что на круглых щёчках появлялись ямочки. А когда для очередных съёмок понадобился в кадре маленький ребёнок, на эту роль с согласия Маши утвердили Катю. Так девочка в первый, но не в последний раз появилась на экране вместе с мамой, которой к осени предложили уже более весомую роль в многосерийной картине. И на целый месяц вместе с дочкой Лигорская уехала в Псков, на съёмки.

Глава 4

Вернувшись в Минск в октябре, Маша решила осуществить то, о чём думала уже не первый месяц. Купив билет на поезд, она сложила свои и Катюшины вещи в дорожную сумку, вызвала такси и поехала на вокзал.

Уезжая из деревни прошлым летом, Маша знала, что не скоро сможет навестить бабу Антолю. Она догадывалась, что могла наговорить о ней мать, и предполагала: эта поездка станет трудным испытанием для неё. Но не поехать в деревню девушка не могла. Она знала, что баба Антоля ждёт её несмотря ни на что. И потому чувствовала по ночам тоску, отзвучивающую в душе болью и непреходящей тяжестью на сердце. Маша всегда с лёгкостью отмахивалась от всего, что не могла изменить или исправить. Но долгая разлука с бабушкой и всё то, что стояло теперь между ними, ложилось нелёгким грузом и не давало в полной мере насладиться ощущением безмерного счастья от съёмок. Наконец-то это было настоящим погружением в профессию, которую она выбрала для себя, кажется, ещё в первом классе. Сценарии, режиссёр, камеры, локации, костюмы, площадки, съёмки, гримёры, трейлеры, студия звукозаписи, само вживание в роль и атмосфера съёмочного дня завораживали и приводили её в восторг. К тому же у неё здорово получалось. Маша всё-таки добилась того, о чём мечтала. Камера и зрители любили её задорное личико, и продюсеры это отмечали. Успех окрылял и мотивировал девушку, придавал ей уверенности в себе и дарил смелые мечты.

Маша отправилась в деревню ночным поездом и уже в семь утра была на вокзале, а там вызвала такси и поехала в Васильково. Утро было серым, хмурым и туманным. И единственное, о чём Машка могла думать, прижимая к себе спящего ребёнка: что её ждёт в деревне. Увидит ли она свет в окошках ветхого домика или же её встретят чёрные стёкла, в которых отразится это неприветливое утро октября? А вдруг баба Антоля отправилась на зимовку к бабе Мане? Или вообще, после того, как Маша уехала, а Олькин муж ушёл, мама забрала бабулю в столицу? Надо было позвонить отцу... Но они не общались почти год, кажется, с тех самых пор, как стало известно о её беременности. Преодолеть эту пропасть отчуждения было нелегко и, наверное, уже невозможно. Всё отчётливее Лигорская чувствовала, как обрываются последние нити, связывающие её с прошлым и с собой прежней...

Такси остановилось, но выйти из машины девушка решила не сразу. В окнах на фасаде дома действительно было темно, но сквозь старенький тюль девушка видела полоску света, которая пробивалась между занавесок, что заменяли дверь в межкомнатном проёме. Баба Антоля была дома. От облегчения и радости на глаза девушке навернулись слёзы. Она расплатилась с таксистом и, выбравшись из машины, пошла к калитке. Пройдя знакомый двор, засыпанный мелкой листвой акации, Маша поднялась на крыльцо и потянулась к двери, которая оказалась не запертой. Миновав сенцы и чувствуя, как гулко стучит сердце в груди, девушка вошла в дом. Яркий свет электрической лампочки резанул по глазам, а в нос ударили до боли знакомые запахи ветхости, пыли, сосновой смолы, грибов, зверобоя и чего-то съестного, что баба Антоля, стоя у двухконфорочной плиты, готовила себе на завтрак. Старушка оглянулась, когда девушка вошла, а Машка, бросив дорожную сумку и крепче прижимая к себе Катюшу, сделала шаг ей навстречу.

– Бабуль, привет! – откликнулась Лигорская, решив, что баба Антоля не узнала её. – Это я, Маша!

– Унучачка мая! – всплеснула руками старушка. – Машуня! А як жа... А я ж ужо думала, так і памру, не пабачыўшысь з табой! А як жа ты? Адкуль? А што гэта за дзіця з табой? Гэта тваё? – опираясь на киёк, баба Антоля подошла к ней и, обхватив за шею одной рукой, притянула к себе и поцеловала.

– Да, бабуль. Это моя Катюша! Мама тебе небось рассказывала...

– Ды казала штось... Ды я не зразумела... Праходзь, Машуня, скідывайця адзежу. Зараз чайнік паставім, чай закіпяцім... А дзіцё спіць? Нясі яе ў тую хату, хай паспіць яшчэ... Вы поездам, ці як прыехалі? Мо хто прывёз? Калі б я ведала, у печы запаліла да блінцоў бы вам напакла... Ну зараз-зараз, чаго-небудзь сабяром на снаданне! Ой, мая ж ты ўнучка, як жа добра, што ты прыехала...

Маша прошла в соседнюю комнату и, уложив дочку на кровать, быстро сняла с неё комбинезон, а потом ползунки. Подгузник был тяжёлым, и нужно было сменить его. Катюша, проснувшись, захныкала. Но девушка быстро справилась с её утренним туалетом, уложила дочку под одеяло и, прихватив бутылочку и молочную смесь, вышла на кухню приготовить ей завтрак.

Бабушка как раз поставила чайник и теперь, достав со столика миску и муку, в самом деле собралась замесить тесто для блинчиков.

– Я скоро, Машуня, – сказала старушка, устраиваясь у столика, напротив печи. – Там у меня сала з мясам ёсць, Манька давала, зараз шкварак нажарым, да яйцо туды уваб’ем... А к абеду тады баршчу зварым у грубцы. У меня грыбы сушонныя ёсць... У гэтым годзе шмат было грыбоў. Я сама разоў колькі выбіралась за агароды... Ды Манька прыносіла карзіну... Я ўсё пасушыла. І матка твая прыязжала колькі разоў... Улетку па ягады хадзілі, па восені ў грыбы. Былі тут з няделю. Прыбралі мне тут усё к зіме, вокны паставілі, грубы пабялілі, дровы парезалі, пакалолі і склалі... Я во нашу потрохі ў сенцы, баюсь, як бы зімой, калі задзе да замяце, не застацца без дроў. Матка ў Мінск меня на зіму звала... Кажа, Машуні няма, пакой свабодны, паехалі, баба, зімаваць ў цяпло. І Манька звала... Да толькі я нікуды не хачу. Хачу тут памерці, да каб яшчэ на сваіх нагах...

– Бабуль, а хто ешчэ приезжал этым летом? Девчонкі тети Наташи были? – спросила Лигорская, засыпая в бутылочку сухую смесь и разбавляя её горячей водой.

– Да не, мая ўнучачка. Надзька прыязжала, дзеўкі яе былі. У ягады прыязжалі, а больш нікога. Манькіны ўнучкі ўлетку былі, да мяне прыходзілі, вады з калодзежа насілі, а так больш нікога. Андрэйка іх ў Маскву паехаў на зарабаткі, рэдка бывае. Я яго з таго года і не бачыла. Дома, у горадзе мо і бывае калі, а сюды не прыязжае. Неяк зусім ціха гэтым летам тут было... За год шмат памерла ў вёсцы... Сусед мой аўдавеў... Памерла баба Сцёпа. Па вясне яшчэ. А на пахараны толькі дачка, што тут недалёка жыве, прыязжала, да і з ёй, кажуць, ён паругаўся пасля памінак...

– И внуков не было? – спросила Маша, имея в виду, конечно, Сашку Хоменка.

– Куды там унукі, дзеці не прыехалі... І падруга мая, баба Таня памерла. Во, цераз няделю будзе сорок дзён. Пражыла пачці сто гадоў. Цяпер во ніхто і не заходзе і пагаварыць няма з кім. Адмірае дзярэўня... Во, яшчэ год назад і магазін быў і аўтобус тры разы ў няделю хадіў, а зараз магазін закрылі, аўталаўка ходзіць цераз день. Во, у гэтым годзе яшчэ ўвесь агарод сеялі, а ўвесну палавіну кінем... Хай трава расце, Манька будзе на сена касіць скаціне. Няма ўжо сіл, Машуня, даглядаць той агарод. І Вера кажа, кідай, баба, мы сабе ў горадзе купім, без бульбы не застаномся...

– Правильно она говорит, конечно... Бабуль, ну а Васька Кулик был на похоронах бабы Тани?

– Да не, Машуня, не было яго... А мо і быў, ды я не бачыла...

Маша больше ничего не сказала, прихватив детское питание, она прошла в другую комнату и стала кормить Катюшу. А когда дочка покушала, девушка удобно устроила её среди одеял и снова вышла на кухню.

Баба Антоля как раз уже жарила блинчики, а Маша стала выкладывать из рюкзака гостинцы, которые привезла бабушке. В основном это было фрукты, конфеты, колбаса и кусок солёной сёмги, которую бабуля очень любила.

– Машуня, а ўнучачка мая, а ні трэба было нічога везці, – увидев продукты на столе, запротестовала бабушка. – У цябе ж вон малая, самой трэба.

– Да ты не переживай, бабуль, у меня есть деньги. Я работаю. В кино снимаюсь! – ответила Лигорская.

– Вера штось казала пра гэта... И называла всё это глупствам.

– Ну это в мамином стиле. Только это всё серьёзно! Я всегда хотела стать актрисой. В сентябре я снималась в Пскове, в сериале. И мне платили за это деньги. И дальше у меня уже есть предложения, так что без работы я не сижу. У меня всё хорошо, бабуль, правда! Теперь уж точно, что бы там ни говорила мама...

– Машуня, ну а малую ты куда дзвеш, калі на работу едзеш?

– Беру с собой, а потом мы по очереди всей съёмочной группой за ней присматриваем. Пока у меня нет других вариантов... Мне её оставить не с кем. А няню я себе позволить не могу...

– Ты б маткі пазваніла, мая ўнучачка. Яна резкая, я знаю, але ж як гэта ж з родным дзіцём не гаваріць год... Да і ўнучачка нарадзілася, гэта ж такое шчасця...

– Бабуль, а давай я тебе чего-нибудь помогу? Может, дров принести или за водой сходить? – сменила тему разговора девушка, не желая и дальше обсуждать свои отношения с родителями, которым она, естественно, не собиралась звонить. Она справится сама, как справлялась до этого, и никого и ни о чём просить не станет. Но даже если бы ей не на что было купить молочную смесь дочке, она всё равно не обратилась бы к родителям за помощью. Да она бы лучше лестницы в общежитии пошла мыть или, как и раньше, подрабатывала бы рекламой на улице, но не унизилась бы перед ними. Не доставила бы она матери такого удовольствия.

– Машуня, ні треба. Усё ёсць. І дровы, і вада. Атдыхай, ты ж ноч у поездзе траслася... Во зараз поснедаем с табой, а потым грубу затопім у той хате, каб малая не змерзла... Ты ж пабудзеш трохі?

– Побуду. Я приехала на несколько дней... – ответила девушка.

Маша в обед прилегла с Катюшей вздремнуть, а потом до самого вечера помогала бабушке с делами по дому: вымыла полы во всех комнатах, почистила посуду, принесла дров и воды, начистила картошки на ужин и, разостлав на полу комнаты одеяло, опустила на него поползать Катюшу. А сама зашнуровала кроссовки, набросила куртку и вышла из дома, пообещав бабушке зайти к бабе Мане и взять у неё молока и творога. Весь день, оживлённо болтая, убираясь и занимаясь дочкой, она чувствовала, как тоска, поднявшись из глубины души, подступает к горлу... От неё слёзы наворачивались на глаза и было трудно дышать. И хотелось выйти из дома и пойти туда, где ещё жили воспоминания. Маша не очень-то хотела идти к бабе Мане, она предпочла бы ни с кем из родственников не встречаться, но другого повода уйти из дома не было. Баба Антоля её просто не поняла бы, а объяснить она не смогла бы...

Маша вышла из дома, закрыла за собой дверь, преодолела ступени крыльца и почувствовала, как её лица коснулись холодные кристаллики... Снег ложился на жёлтую листву берёз, которая ещё мужественно держалась за веточки, и засыпал всё вокруг... Снег в октябре – это ведь почти то же самое, что снег в мае. Он, конечно же, растает, и через день от него не останется и следа, но сейчас это было невероятное зрелище... Снежный вихрь ажурными хлопьями кружился в тусклом свете уходящего дня, и на фоне девственной белизны ещё ярче казались опавшие листья, гроздья калины, хризантемы, прислонившиеся к забору, и тёмные стволы деревьев... Кругом царила звенящая тишина, нарушаемая лишь едва слышным шуршанием. И этот звук казался девушке погребальным звоном над всем, что продолжало жить в её воспоминаниях... Такой притихшей, опустевшей и безлюдной Машка никогда не видела деревню, и застывшая картинка немного пугала её...

Заросли акации, трансформатор, огромная верба и оборванные верёвки вместо качелей, которые когда-то смастерили для неё ребята, столб дыма над крышей дома старого Хоменка,

припорошенные снегом просторы и старая груша посреди полей, пустой школьный двор, заколоченный магазин и груда битого кирпича, вместо развалин торфозавода – вот и всё, что осталось от картинок, которые продолжали жить в её сердце и снились по ночам...

А может, и в самом деле, всё это просто приснилось ей? Лицо Лигорской были мокрым от снега и слёз, которые катились по щекам, а она их не замечала. Всё исчезло. Места, люди, ориентиры. Назад не повернуть. И ничего уже не вернуть. Никогда. Так, может, хватит оглядываться? Это больно и мешает жить... А она хотела жить полной жизнью ради Кати и себя самой, потому что, как и год назад, положиться могла только на себя...

Маша пробыла в Василькове около недели. И пусть воспоминание, продолжавшее преследовать её на каждом шагу, всё так же причиняло боль, как и неоспоримый факт того, что деревня вымирает, всё равно эти дни были наполнены тёплой атмосферой беззаботности, которую девушка ощущала в последний раз в детстве. Так приятно было хоть на время почувствовать себя снова ребёнком, которого любят и о котором заботятся. И хотелось бы забыть обо всём и остаться здесь навсегда... Но это желание было непозволительной слабостью, а о ней следовало забыть. Впереди её ждала работа, съёмки, участие в программах и ток-шоу, интервью для телеканала и фотосессия для журнала. Ей следовало бы подумать об агенте, который был у многих её коллег, и ещё о многих проблемах, которые нужно было решить по приезде домой. Здесь, в старой бабушкиной хатке, Маша Лигорская позволила себе стать слабой. На протяжении последующих нескольких лет, когда она возвращалась в Васильково, это состояние накрывало её снова, пусть и было не так остро, но всё же... И каждый раз всё труднее давались расставания с бабой Антолей, которая уже следующей зимой отправилась жить к бабе Мане, слишком слабая, чтобы самостоятельно топить грубки и таскать воду.

Но каждый раз Маша неизменно возвращалась в Минск и опять с головой окуналась в работу. Она знала наверняка: чтобы подняться выше, достичь настоящего успеха и финансового достатка, ей ещё работать и работать. А поэтому Лигорская не отказывалась от любых ролей, даже если это было не то, о чём мечталось. Она верила: её настоящий звёздный час впереди. Но и за то, что было, платили хорошие деньги. По крайней мере, их было достаточно для того, чтобы сделать новый ремонт в комнатке, которую она продолжала снимать. Ни в чём не отказывать ребёнку, заботиться о собственном внешнем виде и даже свозить Катюшу на недельку к морю. За эти годы её актёрский рейтинг несколько вырос не только в Беларуси, но и в других соседних странах, куда её с завидным постоянством приглашали сниматься. И как-то постепенно роли второго плана сменились главными, а фильмы из второсортных мелодрам превратились в достойные работы. Бывало, Лигорская месяцами не бывала в Минске и радовалась только тому, что Катюша была рядом с ней. Малышке, конечно, следовало бы ходить уже в детский сад или посещать какие-то развивающие центры, но так надолго Маша не могла оставить дочь, которая давно стала, как шутили у них на площадке, дочерью всей съёмочной группы. Подрастая, Катюша не раз мелькала вместе с Лигорской в кадре, исполняя роль дочери того или иного героя. И пусть малышка совсем не походила на неё, в свои три годика она была совершенно очаровательным, милым и смыслённым ребёнком. Кокетливые кудряшки светлых волос, огромные серые глаза, щёчки с ямочками, упрямый подбородок и пухлые губки, которые девочка то сосредоточенно сжимала, складывая в «уточку», если вдруг её спрашивали о чём-то требуемом умственного напряжения, или же, наоборот, расплывалась в улыбке, когда ей делали комплимент или смешили.

Научившись говорить, Катюша не коверкала слова, как обычно это делали маленькие дети. Она говорила совершенно чётко и внятно, обожала сказки, которые ей читала Маша, при этом без труда запоминала целые абзацы и в разговоре со взрослыми могла с лёгкостью что-то цитировать. Лигорская обожала свою маленькую дочь, восхищалась ей, гордилась, любовалась, засыпая подарками и игрушками, наряжала, как маленькую принцессу, и считала лучшим ребёнком в мире. Иногда, укладывая малышку спать, девушка с содроганием думала о том,

что Кати могло бы и не быть, если бы она послушалась Сафронова, струсилась и сделала аборт. Каждую свободную минуту между съёмками в Минске или в любом другом городе, где ей приходилось бывать по работе, Маша проводила с дочкой. Водила её гулять в парки или детские комнаты торговых центров, в кукольные театры или на аттракционы, в кафе покушать мороженого или к пруду покормить уток. Они смотрели мультфильмы и ели попкорн, дурачились, играли в прятки, разговаривали... И это было так здорово. Ничего другого Машке Лигорской как будто и не нужно было. А ведь если бы ей сказали четыре года назад, что она может быть такой хорошей мамой и получать от общения со своей малышкой такое удовольствие, она бы в жизни не поверила. Катюша действительно стала для неё центром всего мира, и впускать в него кого-то третьего девушка не планировала. Хотя, безусловно, за эти годы желающих хватало. Не раз и не два ей в трейлер на съёмочной площадке, присылали подарки, цветы и приглашения на свидания. И среди всего этого разнообразия были достойные кандидаты, такие, о которых Маша когда-то рассказывала Сашке Хоменку. Но и им Лигорская отказывала. Почему? Потому что больше не хотела ощущать ту боль, которую однажды причинил ей Сафронов. Потому что больше не хотела испытывать чувства, которые вызывали зависимость... Потому что теперь точно знала: любовь – это яд. А ещё в принципе не испытывала желания выйти замуж, обрести вторую половинку и кому-то принадлежать. Она была не одна в этом мире. У неё была Катюша, бабушка и друзья, с которыми сейчас она редко виделась, конечно, но всё же... И вообще, вопрос одиночества не стоял для неё, потому что, большую часть времени Маша Лигорская была окружена людьми. На съёмочной площадке их было в избытке. Да и влившись в актёрскую среду, она со многими приятельствовала и была в прекрасных отношениях. И не страдала от ощущения того, что с кем-то, возможно, не сблизилась. А деньги она умела зарабатывать сама.

Известность и популярность Маши росла, а вместе с этим и некоторые обязательства, игнорировать которые она уже так просто не могла. Продюсеры проектов, в которых она принимала участие, часто организовывали пресс-конференции в поддержку фильма, устраивали рекламную кампанию, закрытые показы, а премьеры отмечали большой вечеринкой в ресторане или ночном клубе, которые специально для этого арендовали. А к этому ещё прибавлялись интервью для журналов и газет, различных форумов, участие в светской жизни столицы. Она становилась публичным человеком, и следовало думать о репутации, которую сейчас не хотелось бы портить необдуманными поступками, скандалами или знакомствами не с теми людьми. Эпатировать публику Маша Лигорская не собиралась, поддерживая несколько иное амплуа.

Маша принимала приглашения, приезжала на закрытые показы, давала интервью и участвовала во всём, куда звали, но не очень всё это любила. Конечно, будучи талантливой актрисой, она с лёгкостью вживалась в любую роль на вечеринке или на интервью, рассказывая о многом, но не касаясь главного. Но если ей удавалось отвертеться от праздного времяпровождения среди чужих людей, делала это с удовольствием, предпочитая потратить это время на дочку.

Когда её пригласили на большое закрытое мероприятие, организованное строительным концерном, являющимся спонсором нового сериала, где Маша была утверждена на главную роль, отвертеться не получилось. Это было как раз то мероприятие, на котором она обязательно должна была присутствовать. А это значит, следовало подумать о новом платье, туфлях, причёске и макияже. Наряды были скорее исключением в её гардеробе, поэтому пришлось звонить знакомому дизайнеру и ехать на другой конец города, чтобы забрать вечерний туалет и обувь. Благо, девушка была в прекрасной физической форме и могла позволить себе любой фасон.

Весна правила городом, царилась в сердцах и умах людей, обостряла чувства и будоражила воображение. Наверное, поэтому Маша выбрала красный наряд из атласа с небольшим шлейфом, расшитым стеклярусом и жемчужинами. Платье облегло бедра, и струилось до самого пола. У него было глубокое декольте, открытая спина и руки. Наряд был очень смелым и притягательным. К нему прилагались серебристые босоножки на высокой шпильке и сумочка в тон.

Из драгоценностей, которые Лигорская вообще не любила брать напрокат, на ней был только серебряный крестик и серёжки с жемчугом. Две рыжие пряди волос обрамляли широкоскулое лицо с безупречным макияжем. Волосы были заплетены во французскую косу. Маша позвонила няне, которая выручала её с Катюшей, если девушке нужно было куда-то отлучиться. К определённому времени за ней прислали машину представительского класса и отвезли по заранее известному адресу. Вечер был тёплым и душистым, она не стала ничего набрасывать поверх платья, уверенная, что надолго не задержится и под первым же предложением потихоньку ускользнёт.

Компания, которая устраивала это мероприятие, арендовала на вечер один из лучших ресторанов столицы. Вход был исключительно по приглашениям, а у дверей встречал швейцар. На вечеринку кроме неё были приглашены исполнительный продюсер, главный режиссёр и сценарист. В остальном же, гостями были бизнесмены из двух стран, их жёны или любовницы, которые, сверкая драгоценностями и фальшивыми улыбками, попивали дорогое шампанское и осматривались вокруг из-под опущенных ресниц, оценивая, подмечая и сравнивая. Красная дорожка вела от входных дверей. Здесь её уже ждали, чтобы, вежливо улыбнувшись, проверить фамилию в приглашении и сопроводить в зал, к столику в центре, который был за ними закреплён. Маша понимала, что пригласили её сюда как украшение этого вечера. И всё, что от неё требовалось, просто улыбаться, хлопать ресницами, принимая комплименты, смеяться над шутками с намёками, вежливо отказываться от недвусмысленных предложений и вовремя уйти домой. Никаких серьёзных разговоров с ней о предстоящей роли и вообще о кино вести не будут, она это прекрасно знала. Как знала и то, что на такие закрытые мероприятия, где гуляют богатые и могущественные мира сего, приглашают не только актрис, но и певиц – как наших, так и российских. На таких вечеринках запросто можно найти себе богатого покровителя или же за одну ночь получить в подарок дорогой автомобиль или драгоценное украшение в несколько десятков тысяч долларов. Изнанка шоу-бизнеса ей была известна. Возможно, если бы у Машки не было Катюши, она бы не погнушалась воспользоваться подобной возможностью, с её-то гибкими моральными принципами. Но как потом целовать дочку и смотреть ей в глаза?

От света ламп, прожекторов, светомузыки, зеркал, блеска драгоценностей и множества незнакомых лиц рябило в глазах. Звучал джаз. На сцене играли музыканты. Пахло изысканными духами, сигаретами и цветами, которые стояли в вазах на каждом столе. Интерьер заведения поражал роскошной мебелью, а блюда, которые подавались к столу, были настоящим произведением искусств. От всего происходящего вокруг слегка кружилась голова. Возможно поэтому девушка не сразу обратила внимания на женщину-администратора, которая занималась размещением гостей и руководила официантами, которые разносили спиртное и закуски.

Взгляд задержался на этой особе всего на несколько секунд, и её как будто что-то толкнуло внутри. Девушка не сразу поняла, в чём дело, а когда присмотрелась повнимательнее, от неожиданности приоткрыла рот.

Администратором была её старшая сестрица. Это не просто удивило Машу. Она помнила, какой Оля была после её возвращения из Василькова после выкидыша и ухода Олега. А тут...

Правда, они не виделись почти четыре года, но Машка сомневалась, что за это время у её родственницы изменился характер.

Конечно, Олька окончила экономический университет и получила специальность. Но сразу после получения диплома она выскочила замуж за Олега и, отработав кое-как положенные два года, практически сидела у мужа на шее, перебиваясь случайными подработками для приличия. А когда Олег ушёл, осталась на содержании у родителей. Как ни странно, маму это нисколько не расстраивало. А Машка, даже зарабатывая свои собственные деньги, всегда

была в немилости. Интересно, сестра узнала её? Девушка почему-то не сомневалась в этом. Но Ольга и виду не подала, предпочла сделать вид, что они не знакомы.

Маша наблюдала за сестрицей, видела, как она улыбается, пытаясь угодить гостям, разговаривает с ними, соглашаясь с их требованиями. И в груди росло чувство превосходства и торжества. Вот она, Ольга Лигорская, обожаемая старшая дочь Веры Михайловны, её гордость, её умница. Девушка с высшим образованием работает ресторанным администратором, хотя давно могла бы сделать карьеру банковского работника. Она всю жизнь прожила за маминой спиной и вот чего добилась. Машка была уверена: Олина работа – заслуга отца. Папе надоело терпеть в доме вечное нытьё и жалобы, и он заставил её отправиться искать работу.

А Маша Лигорская не заканчивала университетов и не рассчитывала на поддержку родителей. Но благодаря собственным силам и таланту, она добилась того, чего им и не снилось. И это только начало. Скоро сериал, в котором она сыграет главную роль, станут транслировать по телевизору. И все соседи в их доме, в Серебрянке, конечно, узнают Машу. И будут хвалить и восхищаться ею. Ведь подобные истории всегда умиляли людей. Жила-была обыкновенная девочка Машка Лигорская, которая в один прекрасный день превратилась в звезду телеэкрана! Пусть и жила она всего лишь в маленькой комнатке общежития, но принадлежала теперь к другому миру. Яркому, блестящему, дорогому. Маша всё бы отдала, чтобы видеть лицо мамы в тот момент...

Посидев немного за столиком с главным и попробовав понемногу все подаваемые блюда, девушка вынуждена была покинуть его, подбадриваемая продюсером. Он хотел представить её руководству концерна, уверяя, что они его об этом очень просили. Лигорская особо в это не верила, но отказываться не стала.

Здесь, в ресторане, были предусмотрены не только столики для гостей, но и зона для фуршета, и танцевальная площадка. Вот туда они и направились. По дороге продюсер прихватил два бокала шампанского. И вот они уже стояли в окружении серьёзных, представительных мужчин, которые, поочерёдно целуя её руку, восхищались её ямочками на щеках и беспокойными зелёными глазами. У Маши возникло неприятное ощущение, что её подсовывают кому-то из них, и она с беспокойством обернулась, не зная, как поделикатней выбраться из этой ситуации, про себя понося на чем свет стоит и продюсера, и всех этих людей.

Лишь на мгновение глаза её встретились с внимательным взглядом мужчины, который стоял чуть поодаль, вертя в руках бокал с вином. Он смотрел на неё не мигая, чуть из-под лба. Она не знала, кто он. Да и рассмотреть в этом приглушённом свете что-либо было сложно. Но что-то в его высокой широкоплечей фигуре показалось ей знакомым... Лигорская обернулась ещё раз, но его уже не было.

– Извините, что прерываю столь милую беседу, но мне хотелось бы обсудить некоторые моменты... – вдруг услышала она за своей спиной чей-то негромкий, вкрадчивый, бархатный голос. Ей показалось, что её затылка коснулось тёплое дыхание... – Прошу прощения, что отрываю вас от столь прелестной девушки, но дела не ждут!

– Антон Андреевич, добрый вечер! Заждались. Признаться, уже стали беспокоиться! Давайте отойдём! Вы посмотрели контракт? Как вам наше предложение? – тут же посыпалось со всех сторон.

И Маша поняла: человек, который стоял за её спиной, важная шишка, раз уж даже главные концерны так пресмыкаются, но обернуться не посмела. Просто улыбнулась, извинилась и смешалась с толпой.

Глава 5

Несмотря на публичную профессию, тусовочным человеком Маша так и не стала. Не любила она всю эту показушность, и по собственной воле её вряд ли можно было затащить в ночной клуб или на вечеринку. Поэтому сейчас, мило простившись с режиссёром и продюсером, девушка направилась к выходу с единственным желанием – вызвать такси и уехать домой. И плевать ей было на них. Она вышла из зала в вестибюль и открыла клатч, чтобы найти мобильный телефон.

– Уходишь? А что так рано? Неужели на нашу «звезду» даже в таком пошлом платье никто не запал? – услышала Маша позади себя знакомый голос сестры и медленно обернулась.

Правду сказать, Лигорская как-то и забыла о ней. И так бы и ушла, не вспомнив, но Оля сама решила напомнить о себе.

– Ваш ресторан – это вонючая забегаловка! Дешёвый притон. И персонал, и обслуживание соответствует уровню! – тут же не осталась в долгу Маша, с надменно-презрительным выражением глянув на старшую сестру. – И да, я уйду! Не хочу здесь оставаться! Не хватало еще, чтобы накануне премьеры меня здесь увидели журналисты! – добавила она. – Не хватало еще, чтобы они узнали, что у меня родственница работает в таком месте администратором! Хотя, мне кажется, для тебя оно самое подходящее! Твой уровень! И какой выбор! Или, может быть, приватное обслуживание ваших посетителей прописывается отдельным пунктом в контракте? Тогда вообще не понимаю, как ты прошла отбор и тебя приняли на работу. Нет, твои предпочтения мне-то известны, но ты здорово умеешь завуалировать их под ханжество и при творство.

Ох, лучше бы Оля не трогала Машку, которую просто понесло.

– Не все такие проститутки, как ты! – зашипела на неё старшая сестра. – Журналисты, как же! Кому ты нужна, маленькая дрянь! Нашим всем известно, как ты получаешь роли! Да про тебя все и всё знают, и не надо строить здесь из себя саму невинность! Передо мной не надо. Уж я-то лучше всех знаю, на что ты способна! Тебя ведь и пригласили сюда всего лишь в качестве эскорта!

– Да что ты? И тебе, конечно же, завидно стало. Меня вот приглашают и деньги платят, а тебе приходится в услужении быть! Тебе, конечно, тоже хотелось по-другому, но видно лицом ты не вышла, сестричка! Я уверена, что после Олежки на тебя больше никто не польстился, а секса хочется, правда?

– Не все так озабочены этим, как ты! Я, между прочим, замужем! В отличие от тебя, у меня есть законный муж! – выходя из себя, повысила голос Оля.

– Неужели? – Маша сделал огромными глаза, притворно удивившись. – Может, вы даже под крылышком у родителей не живёте больше?

– Нет, не живём! Мой муж – состоятельный человек, и у нас своё жильё!

Оля, конечно, врала, но Машка всё равно об этом не знала. Родители по-прежнему не желали с ней общаться, так почему бы не заткнуть младшей сестрице рот?

– Слушай, так ты молодец! Интересно, что за идиот может выносить твой мерзкий характер? Или он глухой и слепой? Может, вы ещё и детей успели завести?

Маша увидела, как побелело лицо Оли, а глаза полыхнули ненавистью.

– Нет, мы не такие шустрые, как некоторые. И детей родим в законном браке, а не таких, как твоя! – презрительно фыркнула сестрица.

У Машки от ярости на секунду потемнело в глазах. Преодолев несколько ступеней, она в мгновение ока оказалась рядом со старшей сестрой и залепила Оле пощёчину. Та взвизгнула от боли и схватилась за щёку.

– Мамуле привет, – бросила напоследок Маша и, отвернувшись, налетела на высокого широкоплечего молодого человека. Вскинув на него глаза, она пробормотала извинения, отмечая про себя, что уже видела эти внимательные голубые глаза, смотревшие на неё чуть из-под лба, но это не остановило её. Машинально улыбнувшись, она обошла его и двинулась к входным дверям, оставляя позади себя всхлипывающую Ольку. Ей было всё равно, что этот человек, которого она видела в зале и которого, кажется, назвали Антоном Андреевичем, видел, как она ударила сестру. Её мало интересовало, что он мог подумать о ней. Уж перед ним она точно не собиралась оправдываться.

– Постойте, – услышала девушка за спиной, когда швейцар уже распахнул перед ней входную дверь.

Маша замедлила шаг и обернулась.

– Это вы мне? Хотите обвинить в хулиганстве? Можете не утруждать себя, я никогда и не претендовала на роль хорошей девочки! Считаете, я должна извиниться? Решили заступиться за слабых и угнетённых? Так и знайте, даже не подумая!

Сказано это было вполне серьёзно. Маша решительно сжала губы, но при этом на её щеках обозначились ямочки, сглаживающие резкость слов.

– И ещё, если вы решили, что я здесь для того, чтобы сделать приятным вечер какому-нибудь богатого дяди, то вас ждёт разочарование. Я не занимаюсь оказанием подобных услуг!

– Мне всегда казалось, что все красивые девушки мечтают о богатых покровителях!

– Нет, не все. Для кого свобода не пустой звук, даже не думают об этом! – сказала она и отвернулась, намереваясь уйти.

– Подождите! Простите, я не хотел вас обидеть. Я не для того вас спас, чтобы вы так поспешно сбежали сейчас! – его голос звучал негромко, вкрадчиво, лаская слух бархатным приятным баритоном.

Маша снова обернулась и не смогла скрыть улыбки.

А он в некотором недоумении взглянул на Олю, которая всё ещё продолжала всхлипывать и пыталась привести себя в порядок. Не вынимая рук из карманов брюк, мужчина неспешной походкой подошёл к Маше.

– Позвольте представиться, Антон Гордеев! – сказал он, протягивая ей руку.

– Мария Лигорская, – ответила она и позволила пожать ему свою.

– Приятно познакомиться, Мария! И куда ж вы так торопитесь, что за вами не угнаться?

Маша в немом вопросе вскинула брови.

– Всего лишь домой. Сейчас вызову такси и уеду.

– Если дело только в такси, я могу отвезти вас!

– Не стоит. Мне кажется, вас на этом мероприятии будет не хватать куда больше, чем меня! – парировала девушка, рассматривая его из-под опущенных ресниц.

Она не знала, кто такой Антон Гордеев. Но видела, например, что часы у него на запястье, пусть и с обычным чёрным кожаным ремешком, стоят немалых денег, и фирма у них явно швейцарская. А бордовая рубашка под тёмно-коричневым пиджаком в тонкую чёрную клетку пошита явно где-то в Англии. Этот человек не был актёром, а для обычного бизнесмена у него была слишком яркая внешность. Русые волосы коротко подстрижены и зачёсаны на бок, щёки и волевой подбородок покрывала золотистая щетина, а черты лица крупные и выразительные. Чем-то Антон Гордеев неуловимо напоминал Маше Сафронова, хотя она не могла сказать, что они были похожи внешне. Возможно, рост, широкие плечи, цвет волос, да, пожалуй, сила, исходившая от мужчины, была знакома девушке. Именно поэтому она продолжала стоять в дверях, разговаривая с ним, а не ушла сразу, хлопнув дверью у него перед носом.

– Я бы не стал утверждать это так категорично. Мужики из главка концерна определённо расстроились, когда я вмешался. У них сегодня были виды на вас!

– Вы сейчас на что намекаете? – спросила Маша. – Или утверждаете? Вы не смотрите, что я маленькая. За себя постоять могу! И оскорблений не потерплю! – предупредила его девушка. – Вон та особа, что рыдала у вас за спиной, попыталась, за что и получила... Я актриса. Концерн спонсирует фильм киностудии, с которой я подписала контракт. Меня пригласили в качестве гостя, чтобы украсить праздник, так сказать. Но я с детства ненавидела быть снежинкой, ромашкой или принцессой, предпочитая роль маленькой разбойницы. Они явно ошиблись с украшением, и поэтому я предпочла поскорее уйти, чтобы не надеть глупостей... Приятно было с вами познакомиться, Антон! – кивнула она и снова отвернулась.

Но так просто уйти мужчина ей всё же не позволил.

– Бог мой, да что ж вы всё бежите! – вздохнул он, мягко, но решительно удерживая её за руку. – Я готов извиниться! Всё же я настаиваю на том, чтобы вас подвезти! Время позднее, а в таком платье и на каблуках даже в такси небезопасно!

Руки, которые удерживали девушку, были сильными и в то же время нежными. Ладони у Гордеева были широкими, а пальцы длинными, красивыми, ухоженными, явно не знающими физического труда.

Маша взглянула на его руку, потом подняла к нему лицо, взмахнув пушистыми, загнутыми вверх ресницами, и улыбнулась.

– Ладно, если вы настаиваете, – согласно кивнула она, высвободилась и прошла мимо швейцара, который всё это время так и стоял, распахнув двери.

Майская благоухающая ночь ударила им в лицо, окутывая сладким ароматом цветущих каштанов. Когда они спускались по ступеням широкого крыльца, Антон осторожно взял её под руку, поддерживая. Впрочем, девушка не возражала. Ступени в самом деле были крутыми, а прикосновение мужских рук вызывало забытые, но приятные ощущения.

Проходя мимо дорогих блестящих машин на парковке, девушка попыталась угадать, какая из них Гордеева. При их приближении одна из машин завелась, мигнув фарами, а за рулём сквозь лобовое стекло Маша смогла рассмотреть водителя – широкоплечего мужчину в чёрном костюме и такого же цвета рубашке. Определённо это был водитель и, возможно, по совместительству охранник. Он собрался выйти из машины, чтобы открыть перед ней дверцу, но Гордеев чуть заметно кивнул ему, и тот остался на месте. Антон сам распахнул перед ней заднюю дверцу и помог сесть, а сам устроился впереди, рядом с водителем. Машина тут же тронулась с места, вырвав из парковки.

– Куда едем? – спросил водитель, обернувшись к Гордееву.

Машка хотела было назвать свой адрес, но Антон лишь махнул рукой, мол, прямо, и она промолчала, откидываясь на спинку сиденья из бежевой кожи, которой был отделан весь салон авто. Неслышно работал кондиционер, окутывая мягкой свежестью, приятно и дорого пахло, а машина, набирая скорость, неслась по ночному проспекту. В салоне царил полумрак, который рассеивали уличные фонари и яркие витрины, а также подсветка приборной доски и ещё кое-каких деталей салона. И было так приятно, просто откинувшись на сиденье, смотреть на ночной город, проносившийся мимо...

– А можно открыть окно? – попросила девушка.

– Конечно, – обернувшись, отозвался Гордеев, глянув на неё с любопытством.

Стекло, как по мановению волшебной палочки, поехало вниз. В салон ворвался поток воздуха, а Машка высунулась в окно, зажмурилась от силы ветра, а потом засмеялась весело и заразительно, как ребёнок. Она не смеялась так, наверное, уже давным-давно, чувствуя какой-то восторг и невероятное ощущение свободы. Всё ещё смеясь, она перевела взгляд на боковое зеркало и встретила взглядом с Гордеевым. Конечно, Машка тут же отвела глаза, но улыбаться, выставляя напоказ ямочки на щеках, не перестала.

Когда машина остановилась, девушка снова откинулась на спинку сиденья, позволив Гордееву распахнуть перед ней дверцу и помочь выйти. Неизвестно, чего она ожидала и где опа-

салась оказаться, но они по-прежнему были в Минске, в самом его сердце, исторической части, на пешеходной улице, недалеко от Немиги. На этой улице Маша никогда не была, потому что никогда и не стремилась к тусовкам, да и не зарабатывала столько, чтобы посещать заведения, которыми эта улица наполнилась. Время близилось к полуночи, но ночная жизнь здесь кипела. Яркими огнями подсветок светились окна ресторанов, баров и кофеен, горели кованые фонари, играли уличные музыканты и слышались взрывы смеха.

– Вы ведь не откажетесь выпить со мной кофе? – спросил Гордеев.

– Вы не оставляете мне выбора! – заявила девушка. – Ну кто в здравом уме откажется посетить заведения на Зыбицкой? Каждая уважающая себя девушка мечтает об этом... – смеясь, подразнила она Антона. – Куда вы меня поведёте?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.